

В • БОЗЫРЕВ

ПО
Лушкннскому
ЗАПОВЕДНИКУ

путеводитель

В • Б О З Ы Р Е В

**ПО
ПУШКИНСКОМУ
ЗАПОВЕДНИКУ**

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ
1965

Это путеводитель по пушкинским местам Псковской области: Михайловскому, Тригорскому, Петровскому и Святогорскому монастырю, — составляющим ныне Пушкинский Государственный Заповедник. С этими местами связано много ярких страниц жизни и творчества А. С. Пушкина.

Путеводитель знакомит с литературно-мемориальными музеями, старинными парками и памятными местами Заповедника, рассказывая о них в тесной связи с творческой биографией великого русского поэта.

Издательство просит читателей посылать свои отзывы на книгу по адресу: Москва, Центр, ул. Кирова, 13, Профиздат.

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В ста километрах к юго-востоку от Пскова, на автострате Ленинград—Киев, стоит старинная русская деревенька Новгородка, от которой влево убегает асфальтовая лента шоссе. И уже отсюда за два десятка километров в ясную погоду видна впереди гряда лесистых холмов. На самом высоком из них, на темном фоне хвойных лесов, отчетливо выделяется белокаменный Успенский собор Святогорского монастыря, у стен которого похоронен Пушкин. А неподалеку, в двух-трех километрах друг от друга, знаменитые усадьбы Михайловское и Тригорское, ганнибаловская вотчина Петровское, древние городища Воронич и Савкина Горка. Сегодня все эти места, овеянные гением поэта, составляют Пушкинский Государственный Заповедник.

Александр Сергеевич Пушкин — «величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России» (А. М. Горький) — дорог каждому советскому человеку. Бессмертная поэзия его, в которой, по словам В. Г. Белинского, «бьется пульс русской жизни», стала неотъемлемой частью нашей социалистической культуры. Произведения Пушкина, хорошо знакомые нам с детства, помогают формировать наши первые эстетические впечатления, воспитывать литературный вкус, учат чувствовать и понимать красоту художественного слова. Нас продолжают волновать патриотизм гениального поэта, его свободолюбие, во имя которого он в крепостнической «сумрачной России» смог всю свою жизнь

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

(«Из Пиндемонти»).

А. С. Пушкин.
Портрет работы художника
В. А. Тропинина.
1827

«...Губерния Псковская, теплица юных дней» поэта, места, где «текли часы трудов» его «свободно-вдохновенных», воспеты во многих пушкинских строчках и неотделимы от его творческой биографии.

Дважды побывав в псковской деревне до михайловской ссылки и несколько раз после нее, Пушкин создал здесь более ста художественных произведений. Через всю свою жизнь, через всю поэзию пронес он немеркнущую, необъятную и глубокую любовь к этой «обители дальней трудов и чистых нег». Вот почему сегодня места пушкинские стали заповедными местами и бережно охраняются нашим народом, вот почему почитателей Пушкина так живо интересуется история этого уголка.

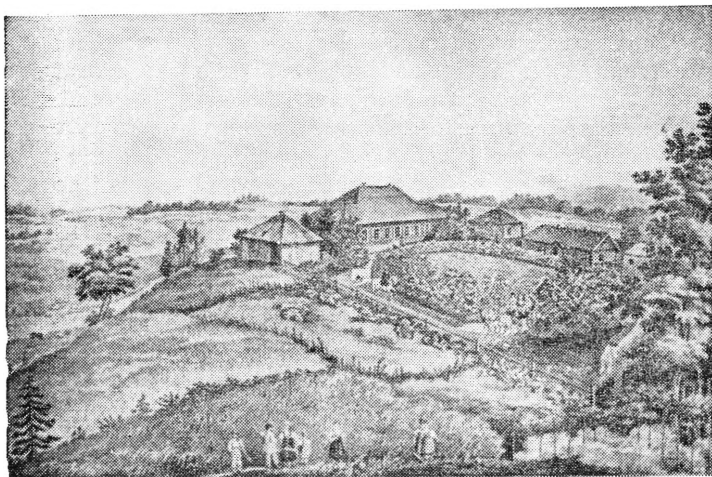
В начале XVIII века среди земель, которыми владела царская семья на Псковщине, была обширная вотчина — Михайловская Губа. После смерти последней ее владелицы, племянницы Петра I Екатерины Ивановны (дочери брата Петра Ивана Алексеевича), Михайловская Губа была приписана к дворцовым землям.

Когда на престол взошла дочь Петра I императрица Елизавета Петровна, она стала щедро одарять тех соратников и сподвижников своего отца, которые после его смерти долгое время находились в опале. В числе их был и знаменитый Абрам Петрович Ганнибал, прадед великого русского поэта. Указом Елизаветы от 12 января 1742 года ему была пожалована большая часть Михайловской Губы, а в 1746 году он получил за подписью Елизаветы жалованную грамоту на это владение.

По ревизской переписи 1744 года А. П. Ганнибалу в Михайловской Губе принадлежала 41 деревня, в которых проживало более восьмисот крепостных крестьян.

После смерти А. П. Ганнибала (1781 год) Михайловская Губа была поделена по раздельной записи между его тремя сыновьями: «деревню Кучане, что ныне сельцо Петровское» с деревнями получил Петр Абрамович Ганнибал, «деревню Оклад, что ныне называется сельцо Воскресенское» с деревнями — Исаак Абрамович Ганнибал, «деревню Устье, что ныне называется сельцо Михайловское» с деревнями — Осип Абрамович Ганнибал. Выйдя с военной службы в отставку, он последние годы жизни (умер в 1806 году) провел почти безвыездно в Михайловском, в котором в конце XVIII века и создал усадьбу: воздвигнул барский дом, разбил парк.

После смерти О. А. Ганнибала Михайловское наследовала его семья — жена Мария Алексеевна и дочь Надежда Осиповна, мать поэта. Н. О. Пушкина после смерти своей матери (в 1816 году) осталась единственной владелицей имения. А когда в 1836 году умерла Надежда Осиповна, Михайловским стали владеть ее дети: Ольга, Лев и Александр.

Сельцо Михайловское. Литография Г. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год

После гибели поэта Михайловское стало собственностью его детей: сыновей Александра и Григория и дочерей Марии и Наталии. В 1860 году в Михайловском поселился младший сын поэта Григорий Александрович. К этому времени старый ганнибаловский барский дом обветшал настолько, что Г. А. Пушкин продал его на слом, построив на том же месте новый, несколько иной архитектуры. Впоследствии этот дом дважды — в 1908 и в 1918 году — горел, но каждый раз восстанавливался (в 1908—1911 годах по проекту архитектора академика А. В. Щуко) в том виде, какой он принял при Г. А. Пушкине.

Близился столетний юбилей со дня рождения поэта. Прогрессивная общественность России готовилась отме-

тить его. В связи с этим значительно повысился интерес к Михайловскому. И по настоянию передовых кругов тогдашнего общества было решено выкупить имение у наследников А. С. Пушкина и создать там в честь памяти поэта какое-нибудь благотворительное заведение. Однако в царской казне денег на приобретение Михайловского не оказалось, и пришлось по всем российским «городам и весям» объявить сбор пожертвований. Большая часть необходимых средств была собрана у простого народа. В 1899 году село Михайловское было куплено у Г. А. Пушкина казной и передано в ведение псковского дворянства.

В 1901 году было решено создать здесь благотворительное заведение — колонию для престарелых литераторов, которая была открыта лишь в 1911 году.

До Великого Октября пушкинский уголок находился в жалком состоянии. Посетивший в 1898 году Святогорский монастырь и могилу А. С. Пушкина В. П. Острогорский с грустью отмечал то небрежение, в котором содержалась даже могила великого поэта: «Ничья заботливая рука, как видно, не прикасается к памятнику. Покосившийся обелиск порастает травой, грязен и испещрен надписями посетителей». Мало того, монахи Святогорского монастыря выгодно продавали различным лицам участки земли для будущих могил в непосредственной близости от места погребения Пушкина.

После революции в пушкинские места пришел настоящий, заботливый хозяин — народ. Уже в первые годы Советской власти Псковский губисполком занимался восстановлением и реставрацией этого ценнейшего памятника русской культуры. В 1920 году при участии стоявших в окрестностях Михайловского частей Красной Армии был реставрирован домик няни. А осенью 1921 года для обследования мер по надлежащей охране пушкинского уголка Псковский губернский отдел народного образования командировал туда специалиста, который представил в губисполком обстоятельный доклад о плачевном состоянии после гражданской войны пушкинских мест, особенно Михайловского и Тригорского. В докладе говорилось, что «от обеих усадеб остались каменные фундаменты и груды обгорелого мусора... Самый парк зарос и заглох, фруктовый сад одичал». На основании этого доклада Псковский губисполком 11 но-

ября 1921 года принял решение об охране пушкинских мест в Опочецком уезде Псковской губернии. В этом решении говорилось: «Обратиться в Наркомпрос РСФСР с ходатайством об объявлении пушкинского уголка заповедным имением и взять его под охрану как исторический памятник, имеющий значение для всей республики».

Ходатайство местных псковских властей встретило горячую поддержку наркома просвещения А. В. Луначарского, который 2 марта 1922 года и подготовил проект постановления под названием «О национализации усадеб Михайловское и Тригорское, а также места погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре». Отправляя проект в тот же день в Наркомат земледелия, А. В. Луначарский просил срочно дать заключение на него и отправить в правительство.

Уже 17 марта 1922 года на распорядительном заседании Малого Совнаркома РСФСР проект был рассмотрен (докладчиком был А. В. Луначарский), и в протоколе было записано: «Объявить Пушкинский Уголок: Михайловское и Тригорское, а также место погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре Заповедным имением с передачей его под охрану, как исторического памятника, НК просвещения по Главмузею. Границу этого имения определить Народному Комиссариату Просвещения по соглашению с Народным Комиссариатом Земледелия».

Накануне столетнего юбилея со дня гибели поэта, который широко отмечался всей страной, в Михайловском был восстановлен бывший господский дом, и вскоре в нем был открыт Дом-музей А. С. Пушкина. В это же время в состав Пушкинского Заповедника были включены связанные с именем Пушкина село Петровское, древние городища Воронич и Савкина Горка и вся территория бывшего Святогорского монастыря. Теперь территория Пушкинского Заповедника составляла более шестисот гектаров.

Во время оккупации гитлеровцы расхитили многие музейные ценности, вырубili сотни деревьев в заповедном лесу и парках. Перед отходом из Михайловского фашисты завершили разорение и осквернение усадьбы поэта: сожгли Дом-музей, из двух других домов у въезда на усадьбу один сожгли, а другой сильно повредили,

прострелили в трех местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловское, а саму арку уничтожили, взорвали колокольню Успенского собора Святогорского монастыря-музея, уничтожили домик няни. Под дорогу, ведущую к могиле Пушкина, фашистские варвары вырыли 20-метровый туннель и заложили в него десять 120-килограммовых авиабомб и десятки специальных мин.

Стараясь сохранить уцелевшие памятники Заповедника, наши войска избегали прямого штурма Михайловского. 12 июля 1944 года советские воины освободили Пушкинские Горы. Писатель Николай Тихонов так рассказывает об этом: «Пушкинские места я увидел во время Великой Отечественной войны, когда они были только что освобождены. Печать разорения лежала на них. Мимо Святогорского монастыря шли на фронт машины. У монастыря они обязательно останавливались, и командиры и бойцы подымались по лестнице наверх, к могиле Пушкина. Всегда среди приехавших находился человек, который произносил краткое слово. Эта встреча с Пушкиным людей, спешивших на фронт, который ушел уже за Режицу, производила большое впечатление».

К 150-летию со дня рождения великого русского поэта Пушкинский Заповедник был в основном восстановлен, 12 июня 1949 года открыл свои двери для посетителей возрожденный из пепла Дом-музей А. С. Пушкина, еще ранее были восстановлены домик няни и Успенский собор Святогорского монастыря-музея.

В последующие годы в Заповеднике продолжались реставрационные работы с целью придать пушкинским местам тот вид, какой они имели при жизни поэта. В течение 1953—1964 годов на усадьбе были восстановлены три пушкинских флигеля, погреб, главный вход — Святые ворота в Святогорском монастыре-музее, отремонтирована гробница Пушкина (1953—1954 годы) и каменная отмостка площадки вокруг нее, в прежних размерах восстановлены Еловая аллея и фруктовый сад в Михайловском. А в августе 1962 года в восстановленном доме Осиповых-Вульф в Тригорском был торжественно открыт новый большой музей.

В целях дальнейшего улучшения охраны природных памятников Пушкинского Заповедника, его флоры и

фауны Псковский облисполком летом 1962 года принял специальное решение об организации вокруг Заповедника в радиусе пяти километров от его границ заказника, в котором запрещались все виды охоты, промысла, возведение сооружений, могущих разрушить целостность пушкинского пейзажа по соседству с Михайловским.

Теперь ежегодно в Пушкинском Заповеднике торжественно отмечаются три даты: годовщины рождения и гибели поэта и годовщина его приезда в михайловскую ссылку. На этих пушкинских торжествах с докладами и научными сообщениями о творческой деятельности поэта в Михайловском выступают ведущие ученые-пушкинисты нашей страны, ежегодно проходит здесь и традиционное двухдневное научное собрание — Пушкинские чтения. А в годовщину рождения великого поэта в Заповеднике ежегодно устраивается пушкинский народный праздник, в котором участвует от 60 до 80 тысяч человек — гости из соседних республик и областей.

«Больше тридцати лет мечтал я побывать здесь, в Михайловском и Тригорском, у стен Святогорского монастыря, у священной для поколений русских людей могилы Пушкина, — пишет в «Книге впечатлений» большой знаток творчества Пушкина поэт П. Г. Антокольский. — Наконец, на старости лет нам с женой повезло побывать здесь — в прохладный июльский день, когда все полно жизнью, дышит светом и радостью. Наибольшее впечатление производит... любовь, которой окружено и благоустроено, ухожено и воскрешено заново это человеческое гнездо — жилище ссыльного поэта. Трудно оценить огромный и благородный труд, затраченный на такое дело. Он перед глазами туристов, посетителей, паломников. Жалко уезжать отсюда!»

А рядом стоит такая запись: «С далеких Тихоокеанских берегов — Петропавловска-Камчатского — мы принесли Пушкину, пушкинским местам слова любви и привета от рыбаков и моряков. Посещение Пушкинского Заповедника, где еще ярче и ближе становятся образы пушкинской поэзии, знакомые с юных лет, останется в наших сердцах на всю жизнь».

МИХАЙЛОВСКОЕ

Уже зрелым поэтом и умудренным житейским опытом человеком, за плечами которого было много месяцев жизни и вдохновенного творчества в деревне, Пушкин писал полушутливо, но с большим смыслом применительно к себе: «Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете». Этим «кабинетом» для великого поэта не раз становилось селцо Михайловское.

МИХАЙЛОВСКИЕ РОЩИ

Пушкинское Михайловское, если ехать со стороны Пушкинских Гор, начинается уже тогда, когда минуешь арку с барельефом поэта и его приветственными словами: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» — и вступишь под сень Михайловских рощ. Тут у самой дороги, справа, необычный памятник — большая дерновая пятиконечная звезда, в центре которой каменная ваза с живыми цветами. Рядом надпись: «Вечная слава герою, павшему в бою с немецко-фашистскими захватчиками». Это могила Неизвестного солдата. Отсюда до усадьбы поэта двухкилометровая дорога, часто и круто поворачивая, идет по красивому сосновому бору. Временами она так узка, что кажется, вот-вот коснешься плечом бронзового ствола могучей тридцатиметровой сосны. Между великанами соснами живописно поднимается подлесок: черная ольха, орешник, можжевельник, круши-

на, иногда мелькнет белоствольная березка. Воздух густо напоен хвойным ароматом, и кажется, что он струится оттуда, сверху, где сквозь расступившиеся кроны сосен, параллельно дороге, вьется ярко-голубая лента бездонного неба. Это они, Михайловские рощи, встречающие вас торжественной красотой, стали в поэзии Пушкина символом всего этого уголка.

В разны годы,
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я,—

(«Вновь я посетил». Черновой вариант)

писал поэт незадолго до смерти, вспоминая здесь свои приезды в псковскую деревню.

Но вот последний поворот дороги — и внезапно перед глазами открывается широкая зеленая поляна, окаймленная с трех сторон сосновым бором и березовыми рощами, а с четвертой замыкающаяся семьей полусторастолетних лип. На одной из них гнездятся аисты — потомки тех, которые вили здесь гнезда при Пушкине.

УСАДЬБА ПОЭТА

От этих лип влево по небольшому склону, покрытому сочной густой травой, идет аллея к пруду. В его зеркальной глади отражаются перекинутый через него белый горбатый мостик, дымчатая стена из высоких серебристых ив, склонивших свои ветви к самой воде, и только что вышедшая на берег, истово отряхивающаяся стайка молодых уток. Это тот самый, пушкинский

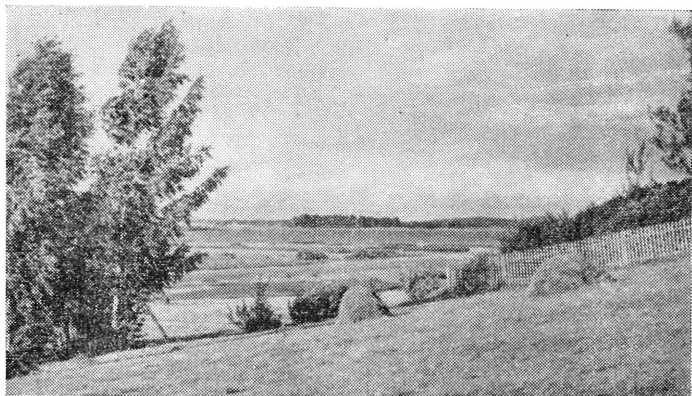
...пруд под сенью ив густых,
раздолье уток молодых,

от которого аллея, обсаженная с обеих сторон яркими цветами, идет мимо обширного фруктового сада, разрезая его на две части — северную и южную, — в центр усадьбы. Она вся в зелени деревьев, куртин сирени, кустов жасмина, барбариса и желтой акации. И когда всего через полсотни шагов попадаешь на край крутого холма, на котором расположена усадьба, не веришь, что она уже кончается. Отсюда сквозь заросли густой сирени вдруг открывается неповторимый вид на окрестности.

Пруд с серебристыми ивами

У самого подножия холма течет тихоструйная Сороть, за ней колышутся метровые травы широких заливных лугов, на холмах, уходящих волнами вдаль, живописно разбросаны деревни, а чуть правее — синяя гладь озера Кучане (Петровского), на противоположном берегу

Вид с Михайловского холма. Вдали — Петровский парк

которого вздымается густая куща деревьев — парк Петровского, имения двоюродного деда Пушкина Петра Абрамовича Ганнибала.

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

(«Деревня»)

Здесь, на вершине Михайловского холма, особенно остро чувствуется то, о чем так проникновенно писал К. Паустовский: «Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское».

Усадьба поэта невелика. С севера она оканчивается крутым обрывом к реке Сороти, а с юга ее ограничивают тенистый парк и Михайловские рощи.

Планировка усадьбы очень проста, все основные хозяйственные службы находились в непосредственной близости от господского дома. Он стоит в центре усадь-

Дом-музей А. С. Пушкина (вид со стороны парка)

бы, обращенный южной стороной фасада с парадным крыльцом в сторону парка, а северной — к реке Сороти и живописным окрестностям. Перед домом расположен большой дерновый круг, который при Пушкине был обсажен декоративным венком из кустов сирени, жасмина и желтой акации. Сейчас же по окружности растут двадцать шесть декоративных лип, а в центре — мощный вяз с раскидистыми, касающимися самой земли ветвями. Эти изменения в планировке усадьбы произошли сравнительно недавно: вяз был посажен в конце XIX века сыном поэта Григорием Александровичем перед отъездом из Михайловского, а липы по кругу — в 1911 году.

По обе стороны от господского дома в пяти—десяти шагах друг от друга идут службы и хозяйственные постройки. Слева от него (если смотреть со стороны парка) стоит бывшая банька, называемая теперь по традиции домиком няни — в память Арины Родионовны, няни

Пушкина, которая жила в одной из ее комнаток. Еще левее — большой погреб с деревянной двускатной крышей. По другую сторону господского дома расположен флигель таких же размеров, как и домик няни, — бывшая кухня и людская (восстановлен в 1955 году), правее, в один ряд с кухней и людской стоят еще два флигеля: дом управляющего имением (восстановлен в 1962 году) и бывшая вотчинная контора (восстановлена в 1964 году).

За этими флигелями сразу же начинается фруктовый сад, посаженный в 1940 году после гибели старого сада от сильных морозов зимой 1939/40 года. В саду восстановлены те сорта фруктовых деревьев (в основном яблонь), которые были здесь при Пушкине. Между яблонями — несколько старинных колод пчел, на опушке сада — деревянная старинная голубятня.

Неподалеку от флигелей был каретный сарай (сейчас сохранился только фундамент), за садом располагались скотные дворы, гумно, амбары (все они не сохранились).

Такой усадьба была и при Пушкине.

Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

(«Домовому»)

Впервые это вдохновение Пушкин ощутил здесь летом 1817 года, в свое первое посещение Михайловского. Поэт, только что окончив лицей и получив отпуск «для приведения в порядок домашних дел», отправился 9 июля вместе с родителями в псковское имение. В его бумагах сохранилась записка о первом приезде в Михайловское: «Вышед из Лицея, я почти тотчас отправился в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч...». Пушкин бывает в соседнем имении, в доме своих новых знакомых Осиповых-Вульф, гостит у двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала, владельца соседнего с Михайловским села Петровского. Поэт пробыл в деревне полтора месяца, и в стихотворении «Простите, верные

дубравы», написанном перед отъездом, тепло говорит о проведенных здесь днях:

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!

Летом 1819 года Пушкин вторично посещает Михайловское. На этот раз поэт ехал в псковскую деревню с большей охотой: он только что перенес тяжелую болезнь — «горячку» (тиф) — и предвкушал впереди оздоравливающий отдых:

Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

(«В. В. Энгельгардту»)

В этот приезд в Михайловское поэт создает знаменитое антикрепостническое стихотворение «Деревня».

Пушкин покинул Михайловское 11 августа 1819 года. Накануне отъезда он пишет проникнутое любовью к нему стихотворение «Домовому» — своеобразную «охранную грамоту» родному уголку:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!

Поэт словно предчувствовал, что расстанется с «поместьем мирным» надолго. Действительно, последовавшая в скором времени ссылка на Юг за то, что он, как выразился император Александр I, «наводнил всю Россию возмутительными стихами», на пять лет разлучила его с Михайловским. Пушкин снова приезжает в родное гнездо только 9 августа 1824 года.

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.

(«Евгений Онегин». Из ранних редакций)

Приезд поэта в Михайловское был действительно «печален». Это был приезд в новую ссылку.

Михайловское было выбрано царским правительством не случайно. За годы южной ссылки (сначала в Кишиневе, а потом в Одессе) необычайно выросла популярность Пушкина среди передовых кругов дворянской молодежи. Его вольнолюбивые стихи в огромном количестве рукописных списков расходились по России, революционизируя эту молодежь. Наместник Южного края граф Воронцов шлет в Петербург одно за другим требования избавить его от Пушкина, становящегося опасным для одесского общества. И вот в начале июля 1824 года воспоследовало высочайшее повеление: «находящегося в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина уволить вовсе со службы... выслать в имение его родных в Псковскую губернию, подчинив его там надзору местных властей». Поводом для новой расправы с вольнолюбивым поэтом послужило его признание в письме, перехваченном властями, что он берет «уроки чистого афеизма», то есть безбожия. Власти рассчитывали, что здесь, в глухой деревне, свободолюбивый поэт будет сломлен, а его вольнолюбивая поэзия, наконец, приглушена.

Пушкин приехал в Михайловское, минуя Псков, где он, согласно предписанию, должен был явиться к губернатору. Однако поэта затребовали в Псков, и с него была взята губернатором подписка в том, что он обязуется «жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда».

Новая ссылка была для Пушкина тяжелым наказанием. П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу 13 августа 1824 года так писал по этому поводу: «Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого юношу в деревне русской?.. Неужели в столицах нет людей более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью!.. Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем ду-

хвойным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина... Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку как на смертельный удар, что нанесли ему».

Сосланный в глухую деревню на неопределенный срок, оторванный от друзей, от общества, отданный под унижительный надзор местных полицейских и духовных властей, поэт чувствовал себя в первые недели ссылки как в тюрьме.

...Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось!..

(«Желание славы»)

Новая опала, продолжая четырехлетнюю южную ссылку, тяжело подействовала на поэта. С горечью и резкостью писал он в начале михайловской ссылки в стихотворном послании к Н. М. Языкову:

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни.

(«К Языкову»)

Эти «закованные дни» стали для поэта особенно невыносимы в начале ссылки в силу одного обстоятельства. Приехав в Михайловское, Пушкин застаёт здесь всю семью. И отец поэта, напуганный новыми репрессиями против старшего сына, соглашается выполнять необычное поручение властей в лице уездного предводителя дворянства А. Н. Пещурова: вести «неослабный надзор за поступками и поведением сына».

«Посуди о моем положении, — с возмущением и обидой писал Пушкин В. А. Жуковскому 31 октября 1824 года. — Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим

шпионом... Отец начал упрекать брата в том, что я предаю ему безбожие... Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем... Я вне закона».

Ссоры отца с сыном обострились настолько, что поэт в порыве отчаяния пишет псковскому губернатору Адеркасу просьбу о переводе его даже в царскую тюрьму. Нарочный, с которым было послано в Псков это прошение, не застал губернатора и вернулся обратно, а затем дружеское вмешательство соседки по имени П. А. Осиповой и Жуковского предотвратили этот шаг.

Сам поэт в это время почти не бывает дома, предпочитая длительные прогулки по окрестностям и общество тригорских знакомых.

Заточение в глухую деревню после шумной Одессы на первых порах породило у него «бешенство скуки», снедающей его «нелепое существование». «Вы хотите знать его, это нелепое существование, — писал он в Одессу В. Ф. Вяземской в конце октября 1824 года, — то, что я предвидел, сбылось. Пребывание среди семьи только усугубило мои огорчения, и без того достаточно существенные. Меня попрекают моей ссылкой; считают себя вовлеченными в мое несчастье; утверждают, будто я проповедую атеизм сестре... и брату... Мой отец имел слабость согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне; вследствие этого все то время, что я не в постели, я провожу верхом в полях. Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но, славу богу, небо у нас сивое, а луна точная репка».

Теперь даже очарование здешней природы, которую он любил и которой восторгался в первые приезды сюда, в какой-то мере померкло для него. И потребовалось некоторое время, чтобы поэт смог снова увидеть и еще глубже почувствовать ее обаяние, а также трезво оценить и положительную сторону вынужденного одиночества: возможность для поэтического творчества, для еще более тесного знакомства, перешедшего потом в дружбу, с Осиповыми-Вульф из Тригорского, которое всего через несколько месяцев после приезда в ссылку становится вторым домом опального поэта.

В первой половине ноября 1824 года из Михайловского уехал брат поэта Лев и сестра Ольга Сергеевна, а через некоторое время покинули деревню и родители. Отъезд семьи разрядил грозовую обстановку в михайловском доме. «Скажи моему гению-хранителю, моему Жуковскому, — писал поэт брату в письме в двадцатых числах ноября, — что все кончено. Письмо мое к Адеркасу у меня, наши, думаю, доехали, а я жив и здоров».

Теперь, когда «буря успокоилась», поэт больше стал домоседом. «Милая Оля, — писал он сестре, — благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь... Твои троюгорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы». Поэту предстояло провести здесь многие месяцы михайловского изгнания.

ДОМ-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Господский дом Пушкиных стоит в центре усадьбы, на краю крутого холма, обращенный одной стороной к парку, а другой к реке Сороти.

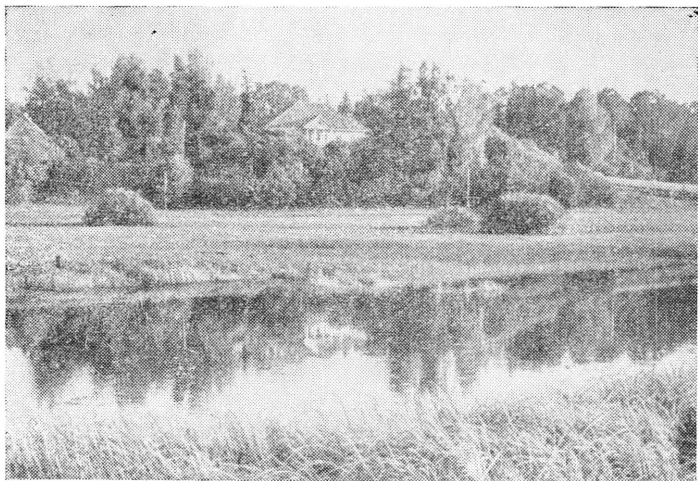
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам.

(«Евгений Онегин»)

Сооруженный дедом поэта еще в конце XVIII века, был он небольшим и даже скромным по сравнению с имениями помещиков-соседей. Поэт в стихотворении «Домовому» называет его «скромная семьи моей обитель», а в одном из писем отсюда брату — «михайловской избой». Ему же в письме от 27 марта 1825 года Пушкин несколько иронически пишет, подчеркивая бедность родительского гнезда: «...Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — у меня нет родительской деревни с соловьями и медведями».

М. И. Осипова, сводная сестра тригорского приятеля Пушкина А. Н. Вульфа, тогда еще девочка, не раз

бывала в эти годы в доме Пушкиных в Михайловском, о котором она потом рассказывала: «Вся мебель, какая была в домике при Пушкине, была Ганнибаловская. Пушкин себе нового ничего не заводил. Самый дом был довольно стар. Мебели было немного и вся-то старенькая... Вся обстановка комнат Михайловского домика была очень скромна...»

Дом-музей А. С. Пушкина (вид со стороны реки Сороть)

А сам А. Н. Вульф, посетивший поэта в сентябре 1827 года, уже после ссылки, когда Пушкин вновь гостил в Михайловском, в своем дневнике отметил: «По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского»...

В описи села Михайловского, «учиненной Опочецким земским исправником Васюковым» 19 мая 1838 года, об этом доме говорится: «Дом Деревянного строения на Каменном фундаменте крыт и обшит тесом длиною 8 А шириною 6 Сажень к нему подъездов с крыльцами 2. Балкон 1. В нем печей Голландских Кирпичных белых с железными дверцами и чугунными вьюшками 6. Дверей столярной работы распилиных на медных петлях с таковыми же внутренними замками 4. одиноких

Столярной работы на железных крюках и петлях с таковыми Скопками 16 окон с рамами и Стеклами на крюках Петлях железных с таковыми же крючками и задвижками 14-ть».

После смерти поэта в Михайловском долгое время никто не жил, и дом и усадьба пришли в совершенное запустение.

«По его (Пушкина) кончине, — рассказывала М. И. Осипова, — вдова Пушкина также приезжала сюда гостить раза четыре с детьми. Но когда Наталья Николаевна (Пушкина) вышла вторично замуж, — дом, сад и вообще село было заброшено, и в течение восемнадцати лет все это гложло, гнило, рушилось... Наконец, в последние годы исчез и дом поэта: его продали за бесценок на своз, а вместо него выстроен новый, крайне безвкусный домишко — совершенно по иному плану, нежели как был расположен прежний домик».

Сын поэта Г. А. Пушкин, перестраивая дом, сохранил, однако, старый фундамент, и это вместе с другими документами помогло потом, в 1949 году, восстановить дом в пушкинском виде (по проекту архитекторов Н. В. Яковлева и Л. И. Рожнова).

Сейчас в этом доме находится музей, в шести комнатах которого: передней, комнате няни, спальне родителей, гостиной, столовой и кабинете Пушкина, — рассказывается о жизни и творчестве великого русского поэта в псковской деревне.

ПЕРЕДНЯЯ

В передней комнате экспозиция рассказывает об истории пушкинского уголка со дня основания усадьбы и до наших дней, о первых приездах Пушкина сюда в 1817 и 1819 годах, о приезде в михайловскую ссылку.

На бюро пушкинского времени стоит небольшая медная пушечка — мортирка, которую нашли в 1954 году в михайловском парке на глубине пятидесяти сантиметров. Известно, что на усадьбе Михайловского была пушечка, о которой современник Пушкина, крестьянин Иван Павлов, потом рассказывал: «С мужиками он больше любил знаться, но и господа к нему по вечерам наезжали, — тогда фейерверки да ракеты пущали, да огни, — с пушки

палили для потехи. Пушка такая для потехи стояла всегда около ворот, еще с давнишних пор. Как же, дескать: у Пушкиных, да без пушки?»

В этой комнате произошла встреча опального поэта с приехавшим к нему в гости И. И. Пушциным.

Из передней (коридора) двери направо ведут в кабинет Пушкина, налево — в комнату няни. «...Вход к нему прямо из коридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев», — писал И. И. Пущин в своих «Записках».

КОМНАТА НЯНИ

Комнату эту отвели в барском доме Арине Родионовне родители поэта, покидая Михайловское и оставляя здесь ссыльного старшего сына на ее попечение. Сюда собирались дворовые девушки Михайловского для занятий рукоделием и мелким ремеслом. Руководила этими работами Арина Родионовна: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швей... Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси» (И. И. Пущин, «Записки»).

В настоящее время комната няни воссоздана в мемориально-бытовом плане. Вдоль одной стены — длинная и широкая деревянная лавка, на которой в ряд стоят старинные прялки с куделью и веретенами, старинные коклюшки для плетения кружев. Тут же сохранившиеся образцы рукоделия того времени: вышивка работы сенных девушек Михайловского, вывезенная в свое время сыном поэта Григорием Александровичем в Вильнюс; вышивки работы крепостных мастеров Тригорского и Петровского. Убранство комнаты просто, но уютно.

СПАЛЬНЯ РОДИТЕЛЕЙ

Рядом с комнатой няни расположена просторная комната, которую занимали родители Пушкина во время своих приездов в деревню, поэтому она и называется спальней родителей. Экспозиция здесь рассказывает о пребывании поэта в ссылке: о круге чтения и переписке.

ке, о приездах к нему друзей, о работе над «Цыганами», «Борисом Годуновым», циклом лирических стихотворений и эпиграмм. Среди изобразительного материала экспозиции большая картина Б. Щербакова «Пушкин в Михайловском» (1949 год), работа художника Г. Веселова «Пушкин у камина» (1955 год), известная картина Н. Ге (в копии) «Пушкин и Пущин в Михайловском», портреты Н. М. Языкова, И. И. Пущина, А. А. Дельвига, А. М. Горчакова, с которыми он здесь встречался, а также портреты некоторых из тех его приятелей и знакомых, с кем он находился в переписке.

Некоторые из приятелей и друзей поэта, обескураженные и напуганные его новой ссылкой, советовали ему уняться, смириться с судьбой, напоминали ему о «грехах», навлекших кару царских властей.

Вскоре после получения известия о ссылке поэта Н. Н. Раевский пишет ему: «...Советую тебе: будь благоразумен. Не то, чтоб я опасался новых невзгод, но меня все еще страшит какой-нибудь неосторожный поступок, который может быть истолкован в дурную сторону; а по несчастю, твое прошедшее дает к тому повод...» Жуковский напоминает Пушкину о бедах, «которые сам же состряпал», и убеждает не усугублять своего положения. С откровенным призывом к смирению, к компромиссу с властями, обращается к ссылкеному поэту близкий к нему в то время П. А. Вяземский.

Не удивительно поэтому, что иногда в минуты отчаяния Пушкин начинал сомневаться в искренности друзей:

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

(«Дружба»)

А в IV главе «Онегина», в которой поэт «изобразил свою жизнь» в деревне, он с горечью отмечал:

Молва, играя, очернила
Мои начальные лета,
Ей подмогала клевета
(И дружба не всегда щадила).

(Черновой вариант)

Но эти минуты были недолгими и бесследно проходили, уступая место искренним, трогательным чувствам к друзьям.

А. Бестужеву Пушкин из ссылки пишет: «Ах! Если б заманить тебя в Михайловское!», в письме к Жуковскому — «жалею, что нет у меня твоих советов или хоть присутствия — оно вдохновение».

В письме к брату около 20 декабря 1824 года он просит его:

«Напиши нечто о
Карамзине, ой, ых,
Жуковском,
Тургеневе А.,
Северине,
Рылееве и Бестужеве».

Оторванный от «суеты столицы праздной», от друзей, поэт стремится «быть в просвещение с веком наравне» через их письма. «Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини... Пиши мне»... — пишет он Вяземскому.

Любопытно, что в это же время декабрист К. Ф. Рылеев, стараясь хоть как-то морально поддержать Пушкина, писал ему (первая половина января 1825 года): «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?» А в другом письме он страстно призывает: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин».

Когда ссыльный Пушкин говорил, что «жизнь моя сбивалась на эпиграмму, но вообще она была элегией», то можно утверждать, что эти элегические настроения часто рождались вследствие разлуки с близкими друзьями, из-за невозможности быть с ними. И когда ему одному в Михайловском пришлось встречать традиционную лицейскую годовщину, он грустил без них.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет, —

пишет поэт в стихотворении «19 октября»,

О напряженном ожидании друзей, приглашаемых поэтом и самих обещавших приехать к нему в деревню, говорят и прочувственные строки из «Графа Нулина»:

Кто долго жил в глуши печальной
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..

Если опального поэта даже письма друзей «оживляли», то легко представить себе его неумную радость, когда он «в забытой хижине своей» встречал их.

Первым, кому поэт здесь «пожал от сердца руку», был самый преданный и благородный из его друзей, близкий ему еще с лицейских лет — И. И. Пущин. 11 января 1825 года, рано поутру, когда еще на дворе стояли густые сумерки зимнего утра, Пущин подкатил к парадному крыльцу михайловского дома. Вот как сам Пущин рассказывает об этом визите: «С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил съездить и в Псков к сестре,.. а оттуда уже рукой подать в Михайловское.

Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней, и от нее вечером пустился из Пскова; в Острове, проездом ночью, взял три бутылки клико и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы, наконец, с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому проселку: все мне казалось не довольно скоро.

...Кони несутся среди сугробов. Скачем опять в гору извилистой тропой, вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при грое колокольчика.

...Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся,

молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Прибывшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза, мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это его няня, столько раз им воспетая, чуть не задушил ее в объятиях.

...Я между тем приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом нетоплен. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: Что? как? где? и проч. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин мне показался несколько серьезнее прежнего, сохраняя, однако ж, ту же веселость. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторяя, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами.

Он сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным, что тут, хотя невольно, он все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно...

...Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул:

— Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать.

Потом, успокоившись, продолжал: — Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пушин, говорить. Может

быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям.

Молча я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть...

...Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пьес; продиктовал начало из поэмы «Цыганы» для «Полярной звезды» и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы».

...Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить: на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отраднo промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сени. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечой в руках. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрипнули за мною»...

Пушкин прогостил в Михайловском только день и ночь и под утро 12 января уехал. Это была последняя встреча близких друзей: в декабре того же 1825 года Пушкин был арестован за участие в декабрьском восстании, а затем отправлен на каторгу в Сибирь.

Несколькими месяцами позже после встречи с Пушкиным поэт с волнением вновь вспоминал эти отрадные минуты в стихотворении «19 октября»:

Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

В неоконченном послании к Пушкину, написанном в 1825 году, он тоже говорит об «отраде» встречи с ним.

И как бы подводя итог многолетней дружбы между ними, Пушкин через много лет после гибели Пушкина писал: «...Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством».

Глубокая дружба связывала Пушкина и с другим лицейским воспитанником, А. А. Дельвигом. Чуть ли ни с первых дней михайловской ссылки поэт ждал его к себе в гости. Об ожидаемом приезде друга Пушкин говорит и в стихотворном послании к Языкову, осенью 1824 года, приглашая и его к себе в гости:

И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.

Наконец, в апреле 1825 года Дельвиг из Витебска приехал в Михайловское. Три дня, которые Дельвиг провел у поэта, прошли за чтением и обсуждением законченных сцен «Бориса Годунова», новых пушкинских стихов, в их подготовке к изданию, за разговорами, в поездках в Тригорское. Вместе друзья пишут шутивную эпитафию «Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна!»

Человек разносторонних знаний, тонкого литературного вкуса, мягкой и отзывчивой души, Дельвиг оставлял неизменно приятное впечатление у всех знавших его людей. Много черт его благородного характера, светлого ума и душевной обаятельности мы находим в «Дневнике» А. Н. Вульфа, в воспоминаниях А. П. Керн. Любил его и Пушкин.

По словам А. П. Керн, «гостеприимный, великодушный, деликатный, изысканный, он умел счастливить всех его окружающих», и не удивительно, что поэт сразу же, как только встретил Дельвига, спешит поделиться радостью с братом: «Как я был рад баронову приезду. Он очень мил».

Таким бесконечно милым для поэта Дельвиг остался навсегда.

А. П. Керн в своих воспоминаниях о Пушкине рассказывает яркий эпизод встречи Пушкина с Дельвигом в Петербурге — такой же встреча (и расставание) была и в Михайловском. «По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартиру в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницей свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на друго-

го. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях».

В стихах на лицейскую годовщину «19 октября» поэт с теплотой писал о Дельвиге:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Свиделся Пушкин во время ссылки и с третьим лицейским однокашником, князем А. М. Горчаковым, который в конце августа 1825 года приехал к своему дяде Пещурову (которому был поручен надзор за ссыльным поэтом) в его имение Лямоново (в шестидесяти километрах от Михайловского). Встреча была прохладной: Горчаков делал тогда блестящую карьеру дипломата и с высоты своего положения смотрел на ссыльного поэта, у которого с ним и раньше было мало общих интересов, а тем более дружбы. «Горчаков доставит тебе мое письмо, — писал поэт Вяземскому. — Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны». О разных путях с ним поэт писал и в «19 октября».

Хотя Пушкин и Горчаков и были далеки духовно друг от друга, но встреча с ним в ссылке, по признанию поэта, ему «живо напомнила Лицей». Вот почему он вспоминает и его рядом с другими, близкими сердцу лицеистами: Пушиным и Дельвигом:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я.

(«19 октября»)

ГОСТИНАЯ

К спальне родителей примыкает следующая комната — гостиная (или зальце), которая делит весь дом на две равные половины. Через гостиную можно пройти

из передней на балкон, к заднему крыльцу дома. Ссылный поэт, стремясь отвадить докучавших ему соседей-помещиков, частенько с этого крыльца отправлялся из дома, когда к его парадному крыльцу подъезжали непрощенные гости. В письме В. Ф. Вяземской (на французском языке) он пишет: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным». А как отвадил Онегин своих соседей, мы хорошо помним:

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги,—
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.

В гостиной воссоздана обстановка того времени: в центре комнаты круглый столик, перед ним диван с двумя креслами, чуть поодаль большие напольные часы, в одном из простенков старинное продолговатое зеркало, а под ним маленький ломберный столик из Тригорского. На стенах висят бра, а между ними портреты предков и родственников Пушкина: прадеда А. Ф. Пушкина (отца его бабки Марии Алексеевны), двоюродного деда И. А. Ганнибала (старшего сына знаменитого Арапа Петра Великого), двоюродной тетки поэта Е. П. Ганнибал (дочери П. А. Ганнибала), а также портреты его родителей Надежды Осиповны и Сергея Львовича. В углу высокий изразцовый камин (изразцы изготовлены по образцу пушкинских, найденных при раскопках старого фундамента во время реставрации 1948—1949 годов). Обстановка зальца очень напоминает ту, о которой Пушкин пишет в черновых строфах II главы «Евгения Онегина»:

В гостиной штофные обои,
Портреты дедов на стенах
И печи в пестрых изразцах.

При Пушкине в этой комнате стоял бильярд. И. И. Пущин пишет в своих «Записках»: «В зале был

Уголок гостиной. В стеклянной горке —
бильярдные шары Пушкина

бильярд; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Г-н Анненков в биографии Пушкина говорит, что он иногда один играл в два шара на бильярде. Ведь не летом же он этим забавлялся, находя приволье на божьем воздухе, среди полей и лесов, которые любил с детства».

В IV главе «Евгения Онегина», во многом автобиографической, Евгений тоже

Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

В описи имущества села Михайловского за 1838 год этот пушкинский бильярд упоминается как «биллиарт Корелчистой Березы Старой с 4 шарами». Бильярд до наших дней не сохранился, он погиб вместе с другими пушкинскими вещами при пожаре михайловского дома в 1908 году. Сохранились лишь четыре бильярдных шара слоновой кости. Они помещены сейчас в витрине, стоящей здесь же, в гостиной. Рядом с ними, в той же витрине, бильярдный кий, полочка для киев, несколько предметов посуды — это вещи из числа тех, которые сын поэта вывез из Михайловского в Вильнюс.

СТОЛОВАЯ

За гостиной следует большая комната, которая служила в доме Пушкиных столовой. Литературная экспозиция рассказывает здесь о работе Пушкина над поэмой «Граф Нулин», над «деревенскими главами» «Евгения Онегина», историческим романом «Арап Петра Великого», «Запиской о народном воспитании» и рядом других произведений. Освещается тема «Пушкин и декабристы», рассказывается о крестьянских восстаниях в окрестностях Михайловского в 1825—1826 годах, о работе поэта над созданием «Песен о Степане Разине». Отдельные разделы посвящены приездам поэта в псковскую деревню в 1826, 1827 и 1835 годах. В разделе, посвященном работе над «Евгением Онегиным», даны первые издания глав романа, написанных в Михайловском, и многочисленные автографы (в копиях) этих

глав. В этой комнате висят портреты Пушкина работы художника О. Кипренского (копия), «Пушкин на лесистом холме» работы неизвестного художника первой половины XIX века, а также портрет прадеда Пушкина А. П. Ганнибала.

На деревянном постаменте большой кусок соснового дерева — от одной из тех трех сосен, которые воспеты Пушкиным во «Вновь я посетил». Когда в июле 1895 года последняя из этих сосен погибла (сломана бурей), живший в Михайловском Г. А. Пушкин отпил от нее несколько кусков себе на память. Один из них и находится в столовой.

КАБИНЕТ ПОЭТА

К столовой примыкает последняя комната — кабинет Пушкина. Обстановка кабинета воспроизведена такой же, какой она была при жизни поэта в михайловской ссылке. Вот что представлял собой кабинет Пушкина по воспоминаниям современников. «Комната Александра, — пишет И. И. Пущин, — была возле крыльца с окном на двор, через которое он увидел меня, слышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого Лицея, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах).

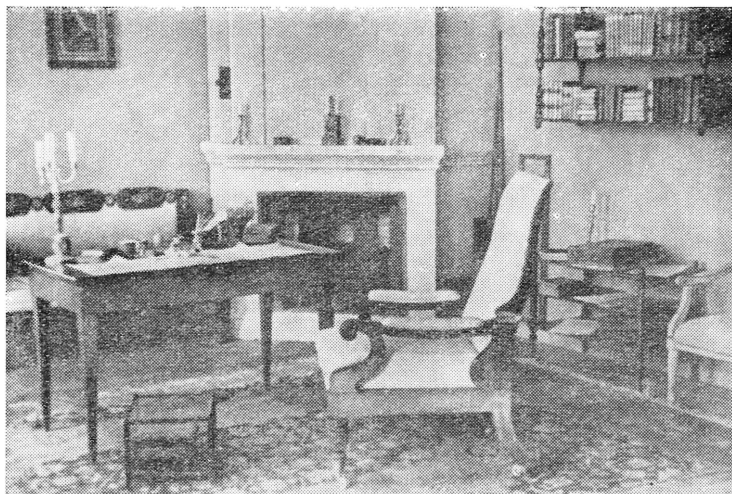
Вход к нему прямо из коридора».

Е. И. Осипова (в замужестве Фок) свидетельствует: «Я сама, еще девочкой, не раз бывала у него в имении и видела комнату, где он писал. ...Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободранный: на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки».

Ее сестра М. И. Осипова рассказывала: «Вся обстановка комнаток Михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна комнате, где был рабочий кабинет А. С-ча, стояла самая простая, деревян-

ная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под неё поставлено было полено; некрашенный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты».

Таким же скромным и непритязательным выглядит кабинет поэта и сейчас. В центре небольшой комнаты стоит письменный стол, покрытый зеленым сукном. На

Кабинет поэта

нем стопки книг, листы, исписанные стремительным почерком поэта. Рядом с подсвечником на четыре рожка ножницы для снятия нагара со свечей, в металлическом стакане гусиные перья, рядом с чернильницей песочница. Между окнами наполненный книгами шкаф, на противоположной стене висит полочка, также заставленная книгами.

Пожалуй, книги были в этом скромном жилище единственным богатством. «Книг, ради бога книг!» — восклицает поэт в одном из писем к брату, и потом эти просьбы он адресует ему и многим своим друзьям и знакомым чуть ли не в каждом письме, писанном им из михайловского заточения (за два года ссылки он отправляет отсюда более ста двадцати писем и около шестидесяти получает от своих адресатов). По свидетельству

первого биографа поэта П. В. Анненкова, «библиотека его росла уже по часам, каждую почту присылали ему книги из Петербурга».

За время михайловской ссылки поэт прошел своеобразный домашний университет: он, получая много книг, с упоением и без усталости занимается самообразованием. Он всегда живо интересовался и прекрасно разбирался в сложных и подчас новых вопросах политики, искусства, литературной жизни, философии и истории того времени. По окончании ссылки Пушкин проявил много заботы, чтобы доставить книги из деревни к себе домой; перевозили их в двадцати четырех ящиках на двенадцати телегах.

В кабинете поэта напротив письменного стола, у стены, стоит диван, у противоположной стены — деревянная кровать с пологом. Неподалеку от дивана, в углу, — туалетный столик, в другом углу, у камина, на полу — огромные трубки с чубуками для курения. На полу большой, почти во всю комнату ковер. Все эти вещи являются или копией пушкинских, или вещами той эпохи, типичными для дворянского поместного быта. Из подлинных пушкинских вещей в кабинете поэта сейчас хранится железная трость — частая спутница его прогулок по окрестностям Михайловского.

Михайловский кучер поэта Петр Парфенов рассказывал: «Палка у него завсегда железная в руках, девять фунтов весу; уйдет в поля, палку вверх бросит, ловит ее на лету. А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то».

Кстати, на диване в его кабинете лежит пистолет точно такого же образца, из которого поэт упражнялся в стрельбе. Тут же рядом старинный манежный хлыст для верховой езды — такой же был у Пушкина, много ездившего по окрестностям верхом на «вороном аргамаке». Тот же П. Парфенов свидетельствует: «...потом сейчас на лошадь и гоняет тут по лугу; лошадь взмылит и пойдет к себе». А в одном из писем к Вяземскому из ссылки Пушкин выразительно пишет о своих наезднических увлечениях: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадыю: большая разница для моего наезднического честолюбия». Брата же своего в числе других поручений он

просит прислать ему в Михайловское «книгу об верховой езде — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону».

А. Н. Вульф оставил любопытное свидетельство об увлечениях ссыльного поэта стрельбой из пистолета: «...Пушкин, по крайней мере в те года, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мною сажал пули в звезду над нашими воротами».

Не раз поэт приглашает к себе в деревню Вульфа

...погулять верхом порой,

Пострелять из пистолета.

(«Здравствуй, Вульф, приятель мой»)

В эти годы Пушкин действительно сильно увлекался Байроном и всегда держал при себе его портрет, которым очень дорожил. Портрет этот сохранился, и сейчас висит в кабинете поэта над диваном. На обороте портрета надпись (по-французски), сделанная рукой П. А. Осиповой: «Подарено Аннет Вульф Александром Пушкиным. Тригорское, 1828». Увлечение Байроном прошло, и поэт подарил некогда дорогую для себя вещь своей тригорской приятельнице.

Под книжной полкой, висящей на стене, на полу стоит небольшая деревянная этажерка. Она была увезена сыном поэта в Вильнюс, где и была обнаружена на чердаке его дома (ныне музея А. С. Пушкина).

У письменного стола, на полу, в стеклянном футляре, хранится еще одна реликвия, связанная с Пушкиным, — подножная скамеечка А. П. Керн. Скамеечка маленькая, низенькая, обита выцветшим от времени светло-коричневым бархатом. Анна Петровна в воспоминаниях о Пушкине упоминает об этой скамеечке: «Несколько дней спустя он (Пушкин) приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня, как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам: живые сны

За мной вились толпой игривой,

И месяц с правой стороны

Осеребрял мой бег ретивый».

(«Приметы»)

У письменного стола старинное кожаное кресло с высокой откидывающейся спинкой. Это кресло из собрания тригорских вещей. Оно было подарено Дому-музею А. С. Пушкина весной 1964 года родственниками Осиповых-Вульф. Кресло это — точная копия (к тому же старинная) пушкинского кресла.

На этажерке огромная черная книга — Библия. Пушкин предназначал ее больше для игумена Святогорского монастыря, под духовным надзором которого он находился в период ссылки. Библия была своего рода «дымовой завесой». Еще накануне михайловской ссылки он в одном письме довольно определенно высказал свое отношение к Библии: «...читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира».

Гостивший у ссыльного поэта И. И. Пущин рисует в своих «Записках» характерный эпизод о том, как Пушкин в нужных случаях ловко использовал эту «дымовую завесу»: «Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума».. После обеда, за чашкой кофе, он начал читать ее вслух... Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: «Что это значит?» Не успел он ответить, как вошел в комнату низенький рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошел под благословение. Пушкин — тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видел. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде и что монах хитрит. Хотя посещение его было вовсе не кстати, но я все-таки хотел делать веселую мину при плохой игре и старался уверить его в противном: объяснил ему, что я — Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина... Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы избавились от этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. — Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!

Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию».

Рядом с книжной этажеркой на стене висит портрет В. А. Жуковского — точная копия того портрета, который Жуковский подарил Пушкину, надписав: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26». Этим подарком Пушкин очень дорожил и всегда держал его при себе.

Над диваном на стене на металлической цепочке подвешен старинный медный охотничий рог. Такой же рог был подарен ссыльному поэту одним из соседей-помещиков, о чем свидетельствует А. П. Керн: «Вообще же надо сказать, что он (Пушкин) не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренне и был неопи-санно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его... Так, один раз мы восхищались его тихой радостью, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме охотничий рог на бронзовой цепочке, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant! Char- mant!»

В левом, противоположном от окон углу кабинета камин. Он облицован белыми изразцами; в камине на металлической решетке — поддувале лежат каминные щипцы с длинными ручками и горка погасших углей: будто только вот сейчас поэт сидел около него:

Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

(«19 октября»)

На выступе камина, рядом с расшитыми цветным бисером табакеркой и шкатулкой, небольшая фигурка Наполеона со сложенными крест-накрест руками и нахмуренным лицом. Скульптура французского императо-

ра была почти обязательной принадлежностью кабинета либеральной дворянской молодежи того времени. О ней упоминает Пушкин и в описании деревенского кабинета Евгения Онегина, во многом, несомненно, «списанного» с собственного деревенского кабинета:

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И все ей кажется бесценным,
Все душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

На письменном столе «померкшая лампада» — дорожная металлическая лампа (в копии, подлинная лампа Пушкина находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде), которой поэт запасся (ее прислал ему брат), готовясь к побегу из ссылки за границу. Для этой же цели он держал при себе дорожную чернильницу (точно такая же — на письменном столе в его кабинете), а в одном из писем даже просит брата прислать ему «дорожный чемодан» и сапоги. О бегстве за границу Пушкин подумывал еще в пору южной ссылки, и это нашло отражение в строках I главы «Евгения Онегина». Новая ссылка в псковскую деревню еще более подогревала стремление поэта вырваться из заточения путем бегства за границу, облакаясь уже в конкретные планы. Сначала он собирался бежать с помощью брата и А. Н. Вульфа, и уже настолько уверился в осуществлении этого плана, что пишет стихотворение «Презрев и голос укоризны» (октябрь — ноябрь 1824 года), где явственно звучат ноты прощания с «отчиной»:

Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,

Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта...

Ни с братом, ни с Вульфом поэту бежать не удалось.

В течение нескольких месяцев Пушкин не оставлял попыток избавиться от ссылки и уехать за границу под предлогом лечения своей болезни — аневризма. Но и эти планы не осуществились.

Несмотря на частые приступы хандры и тоски, рождаемые неопределенностью своего положения, опальный поэт интенсивно работает. Никогда еще раньше «приют свободного поэта, непокоренного судьбой» (Н. М. Языков) не видел такого вдохновенного, обширного, отмеченного печатью гениальности творчества.

Здесь, в псковской деревне, в его кабинете

Какой-то демон обладал
Мои игры, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.

(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

Этим «демоном» ссыльного поэта была поэзия, напряженный поэтический труд, он в это время «бредит» рифмами и «рифмами томим».

В самый разгар михайловской ссылки, в июле 1825 года, Пушкин пишет в письме к Вяземскому: «Я предпринял такой литературный подвиг, за который

ты меня расцелуешь: романтическую трагедию!» Эти слова, сказанные по поводу работы над «Борисом Годуновым», можно отнести ко всему михайловскому периоду творчества Пушкина. Это был литературный подвиг, сделавший его глубоко национальным поэтом, родоначальником новой реалистической литературы. И действительно, окончив в Михайловском последнюю поэму из романтического цикла «Цыганы», поэт создает потом десятки глубоко реалистических произведений, а всего в Михайловском он написал их более ста. Именно здесь, в Михайловском, «он присмотрелся к русской природе и жизни, и нашел, что в них есть много истинно хорошего и поэтического. Очарованный сам этим открытием, он принялся за изображение действительности, и толпа с восторгом приняла эти дивные издания, в которых ей слышалось так много своего, знакомого, что давно она видела, но в чем никогда не подозревала столько поэтической прелести» (Н. А. Добролюбов).

Одним из таких изданий, подготовленных поэтом в ссылке со всей тщательностью и завидной требовательностью к своему таланту, было издание «Стихотворений Александра Пушкина», которое разошлось с невиданной для того времени быстротой: «Стихотворения» вышли в свет 30 декабря 1825 года, и уже 27 февраля 1826 года П. А. Плетнев, поверенный ссыльного поэта по издательским его делам, писал ему в Михайловское: «Стихотворений Александра Пушкина» у меня уже нет ни единого экземпляра, с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить».

Выдающимся «литературным подарком» и «в высшей степени народным произведением», по словам Белинского, явился гениальный роман в стихах «Евгений Онегин», центральные главы которого (с конца третьей по начало седьмой) писались поэтом в Михайловском. Уже в первые недели ссылки он в письме к В. Ф. Вяземской признавался, что находится «в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах». Этими «наилучшими условиями» было не только уединение, хотя и вынужденное, тем не менее концентрирующее его поэтический труд, но и непосредственная близость к окружающей действительности: к помещицкому уса-

дебному быту, к крестьянскому быту, к родной русской природе, к русскому народу с его высокопоэтическим фольклором. И не случайно в созданных в Михайловском «деревенских главах» «Евгения Онегина» так много поэтических «зарисовок» здешнего быта, здешнего пейзажа, причем при всей, казалось бы, конкретности всегда чувствуешь его общерусскую широту, его типичность.

В плане романа «Евгений Онегин», составленном Пушкиным и разбитым им на три части, он в части второй написал: «IV песнь. Деревня Михайлов. 1825». А если вспомнить любопытное откровение Пушкина Вяземскому в письме от 27 мая 1826 года: «в IV песне Онегина я изобразил свою жизнь», — то можно говорить об интересных деталях деревенского бытия самого опального поэта, изображенных в IV главе романа. Вот его «вседневные занятия»:

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина.
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая...

Когда же приходит зима, то

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом...

Брат поэта Лев Сергеевич, который сам был свидетелем первых недель его ссыльной жизни, а потом по-

лучал подробнейшие сведения о ней от самого Пушкина (в письмах), от навещавших его друзей, от тригорских приятелей и даже от своих дворовых, ездивших в Петербург за припасами, рассказывает о деревенской жизни Пушкина: «С соседями Пушкин не знакомился... В досужное время он в течение дня много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки... Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. Зимой он, проснувшись, также садился в ванну со льдом, летом отправлялся к бегущей под горой реке, также играл в два шара на бильярде, также обедал поздно и довольно прихотливо. Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки». А в рукописи IV главы романа есть описание, не включенное Пушкиным в поздние редакции, деревенского костюма Онегина:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина
И с ней Мизинчиков. Евгений,
Быть может, толки презирал,
А вероятно, их не знал,
Но все ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,
За что был ближним нестерпим.

В таком наряде соседи частенько видели и Пушкина. М. И. Семевский передает рассказ А. Н. Вульфа, встретившего однажды поэта в таком наряде: «...в девятую пятницу после пасхи Пушкин вышел на Святогорскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкой и в корневой шляпе, привезенной им еще из Одессы. Весь новоржевский beau monde, съезжавшийся на эту ярмарку закупать чай, сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован...»

Известно, что поэт в годы ссылки избегал соседей (за исключением Тригорского), не участвовал в раз-

личных забавах, охоте, пирушках деревенских помещиков. Об этом говорят многие свидетельства, в том числе и крестьянина И. Павлова: «...жил он один, с господами не вязался, на охоту с ними не ходил...» Пушкин сам ощущал огромную разницу своих интересов и интересов соседей-помещиков. Он прежде всего поэт, и главное для него в жизни — поэзия:

...У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я...
(«Евгений Онегин». Из ранних редакций)

А какими были в своей массе тогдашние помещные дворяне, Пушкин хорошо знал, так как мог часто наблюдать их уклад жизни, привычки. В V главе «Онегина», в сцене сбора гостей на бал к Лариным, он дает меткую реалистическую характеристику деревенских помещиков.

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

Глубокое проникновение Пушкина в быт, нравы, психологию тогдашнего общества (прежде всего на жизненном материале михайловского бытия поэта) и позволило создать роман «Евгений Онегин», который «...помимо неувыдаемой его красоты, имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг» (А. М. Горький).

В ссылке же поэт «в два утра» пишет сатирическую поэму «Граф Нулин», в основе которой лежит «проис-

шествие, подобное тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде» (Пушкин).

Не может не вызвать восхищения неукротимый оптимизм Пушкина, который, находясь под надзором властей, не зная еще о своей завтрашней судьбе, создает здесь одно из самых светлых, жизнерадостных произведений — «Вакхическую песню», пронизанную верой в торжество сил человеческого разума, сил света, добра над силами зла и тьмы:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Эту веру в светлое будущее опальный поэт черпал в поэтическом творчестве:

Но здесь меня таинственным щитом

Святое провиденье осенило,

Поэзия, как ангел-утешитель,

Спасла меня, и я воскрес душой.

(«Вновь я посетил». Из черновой редакции)

Творческий взлет Пушкина за время михайловской ссылки был таким стремительным и отличался такой поэтической зрелостью, что сразу же бросался в глаза, особенно тем, кто мог сравнивать Пушкина до ссылки с Пушкиным в пору ссылки и сразу после нее.

Любопытное сопоставление между Пушкиным «деревенским» и «столичным» делает А. П. Керн: «С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, где я бывала всякий день и куда он приехал из ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему не доставало. Он как-будто не был так доволен собой и другими, как в Тригорском и Михайловском. Я полагаю, жизнь в Михайловском много содействовала развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась».

«Нового» Пушкина с возмужавшим в ссылке талантом увидел и Вяземский, который в письме от 29 сен-

тября 1826 года (то есть сразу же после освобождения поэта из ссылки) писал А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому: «Пушкин читал мне своего «Бориса Годунова». Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это, или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надобно вслушаться в нее, вникнуть... но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красок сохранена в совершенстве, что ум Пушкина развернулся не на шутку, что мысли его созрели, душа прояснилась, и что он в этом творении вознесся до высоты, которой еще не достигал.

Следующие песни «Онегина» также далеко ушли от первой».

Брат поэта Лев Сергеевич также отмечает решающие перемены, происшедшие в его творчестве в михайловской ссылке: «Перемена ли образа жизни, естественный ли ход усовершенствования, но дело в том, что в сем уединении талант его видимо окрепнул и, если можно так выразиться, освоеобразился. С этого времени все его сочинения получили печать зрелости».

А сам поэт, который всегда относился к своему дарованию и своим поэтическим достоинствам подчеркнуто строго, пишет Н. Н. Раевскому из Михайловского в июле 1825 года, то есть в самый «разгар» ссылки: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Этот творческий подъем он сам вспоминал вскоре после освобождения из Михайловского, оглядываясь на покинутую деревню и призывая вдохновение в новых условиях, в новой обстановке «не дать остыть душе поэта»:

Дай оглянись. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,

В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

(«Евгений Онегин»)

Не забывал он в «омуте» столичной жизни и своей любимой няни, ее «светлицы» — скромной крестьянской комнатки при господской баньке, которую в ее память называют теперь домиком няни.

ДОМИК НЯНИ

Он стоит в нескольких шагах от господского дома, под сенью двухсотлетнего клена, почти до крыши скрытый кустами сирени, желтой акации и жасмина.

В описи имущества села Михайловского этот флигель значится как флигель первый: «Деревянного строения крыт и обшит тесом. в нем комнат 1. окон с рамами и стеклами 3. Дверей простых на крюках и петлях железных с таковыми же скобами 3. Печь русская с железною заслонкою и чугуною вьюшкою. Под одною Связью баня с Голанскою печью и в ней посредственной величины котел».

Домик няни стал предметом особых забот после организации Пушкинского Заповедника. Предполагалось, чтобы навечно сохранить его, обработать домик специальным антисептическим составом, ветхую древесину сделать огнеупорной, окаменелой. Уже начавшимся работам по реставрации домика помешала война.

После освобождения Заповедника от оккупантов сразу же начались реставрационные работы, и уже весной 1947 года домик был восстановлен со скрупулезной точностью — по чертежам и планам, снятым с домика архитектором Ю. Маляревским в мае 1941 года, по фотографиям, по свидетельствам современников Пушкина и другим материалам.

Домик няни представляет собой деревянную, крытую тесом избу размером в основании 7×9 метров. Наружные стены окрашены в чуть-чуть желтоватый оттенок, углы домика обрамлены деревянными рустами темно-красного цвета, у основания углов — накладные ромбики того же цвета. Домик разделен на две половины сквозным коридором, войти в который можно с двух крылечек: одно из них выходит в сторону Дома-музея

А. С. Пушкина (главный вход), а другое — в сторону луга и озера Маленец.

Из коридора двери направо ведут в комнату-баньку, где экспозиция рассказывает о няне Пушкина, о его дружбе с нею, о стихах, которые он ей посвятил. Здесь представлены метрические свидетельства (копии) о

Домик няни

рождении, замужестве и смерти Арины Родионовны, автографы писем няни к поэту и стихов его, ей посвященных, барельеф няни работы Л. Серякова (40-е годы прошлого века, в копии). Одну стену целиком занимает картина К. Крыжицкого «Домик няни» (1899 год). В небольшой витринке вещи, найденные при раскопке фундамента домика в 1947 году: старинные ножницы, складень-образок, несколько монет, медальон, серебряная серьга, пистолетная пуля, верхняя часть бубенца. Можно думать, что некоторые из этих вещей принадлежали няне Пушкина.

Двери напротив ведут в светелку Арины Родионовны. Это комнатка в три окна, в первом углу ее стоит русская печь с железной заслонкой и чугунной вьюш-

кой. К ней примыкает лежанка с деревянной приступкой и с холщовым, местной крестьянской работы пологом. Рядом с печью большой деревянный сундук, по другую сторону маленький столик, на котором стоит старинный медный самовар и несколько блюд и чашек того времени, оловянная кружка. Тут же дорожный погребец карельской березы для хранения чая и сахара. В светелке стоят также столешницы, железный светец для лучины, подсвечники, вдоль двух стен (под окнами) — широкие деревянные лавки, на одной из которых старинная псковская прялка с куделью и веретеном. Около лавок стол, стулья, деревянный крестьянский диванчик.

У стены, прямо напротив входа в светелку, потемневший от времени крестьянский комодик, а на нем раскрытый четырехугольный ящичек, сделанный из дуба и отделанный красным деревом. Это единственная дошедшая до нас подлинная вещь Арины Родионовны — ее шкатулка. Видимо, служила она копилкой: на верхней крышке маленькое отверстие для опускания монет. Об этом говорит и надпись на пожелтевшем от времени клочке бумаги, приклеенном с внутренней стороны верхней крышки: «Для черного дня. Зделан сей ящик 1826 года июля 15 дня». Внизу неразборчивая подпись. Эту шкатулку взял себе приятель Пушкина поэт Н. М. Языков, в семье которого она бережно хранилась как самая дорогая реликвия. Несколько лет назад шкатулка была подарена Пушкинскому Заповеднику потомком Языкова — А. Д. Языковой.

Обстановка светелки помогает ближе познакомиться с жизнью верного друга поэта в пору михайловской ссылки, замечательной русской женщины — няни его Арины Родионовны.

Родилась она 10 апреля 1758 года в селе Суйда Копорского уезда (под Петербургом), в имении графа Ф. А. Апраксина, в семье его крепостных крестьян Родиона Яковлева и Лукерьи Кирилловой. После приобретения Суйды А. П. Ганнибалом (в 1759 году) они становятся его крепостными.

5 февраля 1781 года Арина Родионовна вышла замуж за крепостного крестьянина Федора Матвеева, жителя соседней с Суйдой деревни Кобрино. У них было трое детей: сын Егор и дочери Мария и Надежда.

После смерти А. П. Ганнибала деревня Кобринно с крестьянами досталась его сыну Осипу (деду поэта), а затем перешла к его жене и дочери Надежде Осиповне. В 1796 году Надежда Осиповна вышла замуж за С. Л. Пушкина, а через год у них родился первенец — дочь Ольга. Вот тогда-то Пушкины и взяли в няньки Арину Родионовну.

Эта женщина обладала незаурядным природным умом, чистым, образным народным разговорным языком, прилежностью в работе и широтой души и сразу же пришлась по сердцу Пушкиным, которые уже в 1799 году предложили ей вольную. Но няня отказалась, связав все последующие годы своей жизни, вплоть до смерти, с семьей Пушкиных, вынянчив у них всех детей, в том числе и любимого своего питомца Александра Сергеевича.

Няня была талантливой сказительницей, и ее волшебные сказки поразили воображение Пушкина еще в детском возрасте. Он называл Арину Родионовну «оригиналом няни Татьяны».

Няня Лариных живо напоминает отличительную черту Арины Родионовны тем, что и она

...бывало,

Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц...

(«Евгений Онегин»)

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков, заставший в живых еще многих лиц из окружения Пушкина, помнивших няню его, говорит: «Родионовна принадлежала к типическим и благороднейшим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворною строгостью оставило в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и, в годы возмужалости и славы, беседовал с нею по целым часам. Это объясняется еще и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин

так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями ее... В числе писем к Пушкину, почти от всех знаменитостей русского общества, находятся и записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми».

Сестра поэта Ольга Сергеевна свидетельствует, что няня была «настоящею представительницею русских нянь, мастерски говорила сказки, знала народные поверия и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском».

Дружба поэта с няней стала еще более тесной, почти родственной, потому что здесь он, «сирота бездомный», встретил со стороны Арины Родионовны материнскую заботу, душевную поддержку и дружеское участие в своей судьбе.

Бывало,
Ее простые речи и советы,
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой... —

вспоминал потом поэт в стихотворении «Вновь я посетил» (черновая редакция).

По письмам Пушкина, особенно в начале ссылки, видно, что Арина Родионовна действительно была одним из самых близких к нему лиц, крайне немногочисленных во время ссылки.

В декабре 1824 года он пишет о няне в письме к Шварцу: «Уединение мое совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко — целый день верхом, — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

Няня, чуткий и добрый человек, умела развеивать томительную скуку ссылке поэта своими дивными сказками, которые брали в плен Пушкина полностью: «Я один-одинешенек, — пишет поэт Вяземскому в январе 1825 года, — живу недорослем, валяюсь на ле-

жанке и слушаю старые сказки да песни». Поэт часто прибегал в светелку няни.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
...Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

(«Зимний вечер»)

«Он все с ней, коли дома, — вспоминает кучер Пушкина П. Парфенов. — Чуть встанет утром, уже и бежит ее глядеть: «Здорова ли мама?» — он все ее мама называл... И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уже все за ней...» И стоило Пушкину однажды узнать, что причиной, от которой няня вдруг «начала худеть», являются домогательства и притеснения экономки Розы Григорьевны Горской, как он, никогда не вмешивавшийся в хозяйство, предпринял решительные меры: «У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть», — писал он брату.

В июне 1825 года он пишет Н. Н. Раевскому: «У меня буквально нет другого общества, кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим».

Часто поэт, довольный творческими удачами, читал няне только что созданные сцены трагедии, стихи:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей...

(«Евгений Онегин»)

По свидетельству М. И. Осиповой, «это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца». В памяти знавшего няню Пушкина Н. М. Языкова она осталась

...Как детство, шаловлива,
Как наша молодость, вольна,
Как полнолетие, умна
И, как вино, красноречива...
(«На смерть няни А. С. Пушкина»)

Несмотря на то что няня была крепостной крестьянкой, поэт относился к ней как к равной себе, без тени какой бы то ни было снисходительности и покровительства. Когда в доме праздновали приезд Пушкина, то няню, как равную, друзья пригласили к столу и «потчевали искрометным».

Друзья поэта называли в письмах к Пушкину ее имя, как самого близкого к нему человека, равноправного члена его семьи. Вскоре после отъезда из Михайловского Пушкин в письме поэту от 18 февраля 1825 года пишет в конце: «Прощай, будь здоров. Кланяйся няне. Твой Иван Пушкин».

Когда Дельвигу стало известно об освобождении поэта из ссылки, то он, поздравляя его, беспокоился о няне: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою?» А чуть позже Дельвиг в другом письме, стремясь сделать Пушкину приятное, пишет о ней: «Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн...» Любопытно, что Дельвиг упоминает здесь Арину Родионовну рядом с А. П. Керн, оставившей в душе ссыльного поэта яркое и сильное чувство любви.

Щедрой и приветливой хозяйкой была Арина Родионовна с близкими друзьями поэта, иногда навещавшими его в Михайловском. О таких незабываемых минутах радушия, дружбы и праздничности, царивших в доме, проникновенно пишет Н. М. Языков в стихотворении «К няне А. С. Пушкина».

И потом через три года, когда няни уже не было в живых, Языков в стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина» вновь вспоминал ее «святое хлебосольство», ее желанное общество в тесном кругу друзей:

...Стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу,

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась.

В такие минуты шумных бесед, когда няня «к своей весне переносилась» — вспоминала молодость свою, — Пушкин, видимо, и услышал то, что мы знаем о ее замужестве из метрической записи. Она вышла замуж за «крестьянского сына, отрока Федора Матвеева». Отрок — это юноша от 11 до 17 лет, няне же в пору выхода замуж было 23 года.

Общение с няней, с местными псковскими крестьянами дало Пушкину много для его творческого развития. Слушая «простые речи» Арины Родионовны, Пушкин записал (сохранились в его бумагах) семь сказок, четыре из них он в преобразованном виде использовал в своей поэзии: в прологе к «Руслану и Людмиле» («У Лукоморья»), в сказках о попе и Балде, о царе Салтане, о мертвой царевне. «Изучение старинных песен и сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают», — писал поэт.

Неизменно теплыми и сердечными были взаимоотношения Пушкина с няней и после ссылки.

Когда стало известно, что поэт должен уехать из Михайловского, то «Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич ее утешать: — Не плачь, мама, — говорит: сыты будем, царь хоть куда ни пошлет, а все хлеба даст» (П. Парфенов, «Пушкин в воспоминаниях современников»). А когда вскоре после освобождения из ссылки Пушкин снова на короткое время вернулся в деревню, радости и счастья няни не было предела, и она по-своему праздновала эту встречу: «Няня моя уморительна, — с ласковой шутливостью писал поэт Вяземскому 9 ноября 1826 года. — Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

А вскоре Пушкин вновь уехал, поручив няне хранить в своем доме самое дорогое — книги, о которых она писала ему из Михайловского в письме от 30 янва-

ря 1827 года (письмо писано под диктовку — няня была неграмотна): «Милостивый Государь Александра Сергеевич имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым счастьем; и желаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия... А мы батюшка от вас ожидали писма когда вы прикажете, привозить книги но не могли дождатца: то и возномерились по вашему старому приказу отправить: то я и посылаю, больших и малых, книг сщетом 124 книги архипу даю денег 90 рублей: при сем любезный друг я цалую ваши ручки с позволения вашего сто раз и желаю вам то чего и вы желаете и прибуду к вам с искренным почтением Арина Родивоновна».

Пушкин в ответ прислал няне письмо, в котором, видимо, благодарил ее за расторопность и умелую распорядительность с книгами, обещал летом приехать и справлялся о ее здоровье, а в награду прислал и деньги. В ответ на это няня 6 марта 1827 года писала ему (под диктовку в Тригорском): «Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня безпрестанно в сердце и на уме и только когда засну, забуду вас и ваши милости ко мне... Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой Ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур. летом не будут: оне все едут непременно в Ревель — я вас буду ожидать и молить Бога, чтоб он дал нам свидется... Прощайте, мой батюшка Александр Сергеевич. За ваше здоровье я прасвиру вынула и молебен отслужила: поживи, дружечик, хорошенько, — самому слюбится. Я славу Богу здарова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родивоновна».

Поэтически проникновенным ответом ей звучит стихотворение поэта «Няне»:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Черты облика и характера няни нашли отражение в той или иной мере в ряде пушкинских произведений; в

«Дубровском», «Евгении Онегине», «Борисе Годунове», «Русалке», воспел он ее и в лирических стихотворениях.

С конца июля по 14 сентября 1827 года Пушкин был снова с няней в Михайловском. Это была их последняя встреча. Прожила после этого няня недолго. 31 июля 1828 года она умерла в семье Ольги Сергеевны Павлищевой, сестры поэта. В метрической книге Петербургской Владимирской церкви за 1828 год есть запись: «...числа 31 июля померла 5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова, лет 76, за старостию». (Возраст здесь указан неправильно.)

Похоронена была няня на Смоленском кладбище в Петербурге, могила же ее вскоре затерялась среди других безымянных могил крепостных людей.

Пушкин, приехав в Михайловское в 1835 году, уже незадолго до своей смерти, писал отсюда своей жене: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей». А в стихотворении «Вновь я посетил», того же времени, он вспоминал:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
(И вечером при завыванье бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но все приятных сердцу,
Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья).

(В скобках черновая редакция стихотворения)

Любовь Пушкина к няне олицетворяет его любовь и глубочайшее уважение к русскому народу, к русскому крестьянству. «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? — писал поэт с гордостью за русский народ. — О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... никогда не заметите вы в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Наш крестьянин опрятен по привычке и правилу».

Такими видел поэт русских крестьян и в Михайловском, такими представляются они и теперь, когда знакомишься с экспозицией стоящих рядом с Домом-музеем А. С. Пушкина двух флигелей — людской и домом управляющего имением.

ЛЮДСКАЯ

Людская, проданная на своз из-за ветхости сыном поэта Г. А. Пушкиным, впервые была восстановлена в 1955 году. Во флигеле две комнаты, показывающие быт крестьянской дворни села Михайловского при Пушкине. В первой комнате представлены старинные предметы крестьянского домашнего обихода того времени.

Налево от главного входа еще двери, ведущие во вторую комнату людской. В ней точно такая же, как и в первой комнате, русская беленая печь, но только здесь уже с деревянными полотьями, прикрытыми пологом — занавеской из домотканой льняной ткани. В этой комнате три окна. Вдоль двух стен стоят деревянные лавки, на них и около них на полу — самопрялка с куделью, старинные прялки, веретена, сукала (для сучения нити). Около стола, покрытого льняной скатертью, железный кованый светец для лучины. На настенной полочке — старинный расписной берестяной короб для хранения вышивок, кружев, тканей, вязаний. На простенках между окнами, в широких деревянных рамках небольшие зеркалаца.

В этой половине в пушкинское время со всей усадьбы собирались дворовые девушки для занятия рукоделием и мелким кустарным ремеслом: ткали, пряли, вышивали, лепили из глины игрушки. Сюда частенько заглядывал ссыльный поэт послушать хор девушек, потолковать с крестьянами об их житье-бытье. Может быть, здесь и лежат истоки позднего пушкинского суждения о содержании русских народных песен: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный».

Многое из того, что слышал здесь поэт, вошло в его поэтический словарь. И сейчас, когда смотришь на крестьянские вещи и предметы быта, представленные в людской, невольно приходят на память пушкинские слова: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

ДОМ УПРАВЛЯЮЩЕГО ИМЕНИЕМ

Рядом с людской, под сенью вековых лип стоит еще один флигелек — дом управляющего имением. Восстановлен он в 1962 году по документам и описаниям пушкинского времени.

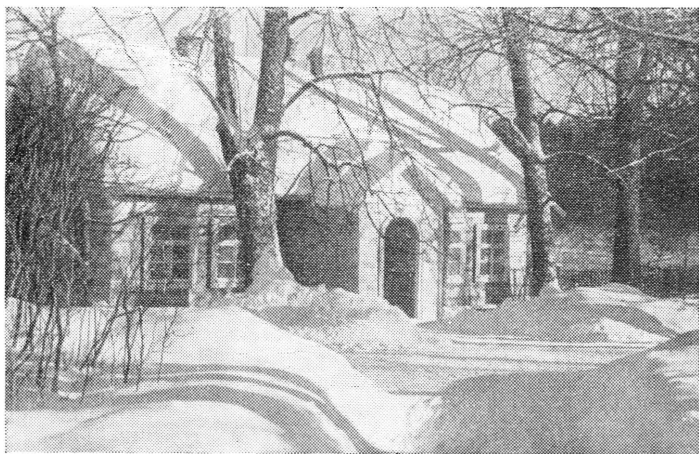
В доме этом при Пушкине две комнаты занимал управляющий имением, в третьей помещалась вотчинная (усадебная) контора.

Сейчас во всех трех комнатах музей. В первой комнате (слева от входа) экспозиция рассказывает о положении псковского крепостного крестьянства в пушкинское время, о социальном составе населения Псковщины того времени, об изучении этого края и крестьянской жизни Пушкиным. Открывает экспозицию высказывание Герцена: «Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гёте, и радуюсь, что Псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина». Здесь даны карты Псковской губернии и Опочецкого уезда (в который входило при Пушкине село Михайловское) того времени (из атласа, составленного псковским губернским землемером И. С. Ивановым в 1835 году), несколько иллюстраций на тему «Крестьяне на барщине»; литография и акварель с видами тогдашней псковской деревни.

Рядом помещена карта Псковщины с обозначением на ней мест крестьянских восстаний в 1826 году; дается сообщение о том, что положение псковского крепостного крестьянства в то время было самым тяжелым во всей нечерноземной полосе: 80 процентов крестьян было барщинных и только 20 процентов — оброчных (оброк был более легким видом крепостной эксплуатации). Тут же слова Пушкина: «Только одно страшное потрясение могло бы привести к освобождению крестьян».

Отдельный стенд рассказывает о путешествиях поэта по Псковщине. Здесь можно видеть карту Псков-

ской губерний с нанесением маршрутов поездок Пушкина по ней, рядом — несколько видов мест того времени, посещавшихся поэтом: Острова, Опочки, Голубова, Лямонова, Велья, Пскова.

Флигель, где при Пушкине жил управляющий имением.
Восстановлен в 1962 году

Отдельно представлены материалы, на основе которых был восстановлен флигелек.

Рядом в витрине предметы, найденные при раскопках фундамента этого флигеля во время восстановления: янтарная серьга, несколько старинных пуговиц от одежды, монеты того времени, старинная кавалерийская шпора, вилка, замок, расписная глиняная чернильница и другие.

В одной из витрин документы о земельных владениях Ганнибалов-Пушкиных в Псковской губернии XVIII—XIX веков.

У окна, на небольшом столике, макет господского дома в Петровском — имения двоюродного деда поэта П. А. Ганнибала (работы В. Самородского).

Экспозиция второй комнаты (с выходом в сад) рассказывает о влиянии псковской деревни на творчество Пушкина, в ней дается (в документах того времени) характеристика крестьянского хозяйства Михайловского.

Тут же автопортрет Пушкина в крестьянской холщовой рубаше, несколько его рисунков (все в копиях).

Рядом портреты крестьян — современников Пушкина: Афанасия из деревни Гайки («Дед Афанасий», рисунок художника В. Максимова, 1899 год) и Ивана Павлова (художник В. Максимов, 1872 год). Приводится воспоминание Афанасия о Пушкине (запись 1891 года): «Когда Пушкин приехал в Михайловское, он никакого внимания не обращал на свое сельское и домашнее хозяйство; где его крестьяне и дворовые, на его ли работе, или у себя в деревне. Это было как-будто и не его хозяйство».

Материалы экспозиции, представленные в этих двух комнатках флигелька, показывают бедственное положение крепостного крестьянства Псковщины того времени, рисуют такие детали крепостного и дворянско-помещичьего быта, которые не ускользнули от зоркого глаза гениального поэта, найдя отражение в его произведениях. Без глубокого знания крестьянской и помещичьей жизни, приобретенного в Михайловском (в том числе и на примере своей родовой усадьбы), Пушкин не писал бы так уверенно в «Романе в письмах»: «Небрежение, в котором мы оставляем иных крестьян, непростительно... Мы оставляем их на произвол плута-приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы — и разоряемся; старость нас застаёт в нужде и в хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по-миру. Древние фамилии приходят в ничтожество, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять».

А в одном из писем к Вяземскому поэт писал, что «с Ольдекопом и отцом можно умереть без денег». Пушкин здесь сам воочию видел всю бесхозяйственность своего отца, у которого в 1826 году в Михайловском по ревизской сказке числилось всего восемьдесят восемь душ крепостных (вспомним, что у Абрама Петровича Ганнибала их здесь было около восьмисот, у Осипа Абрамовича — более двухсот пятидесяти).

«Барство дикое», картины бытия мелкопоместного дворянства и крепостного крестьянства нашли потом отражение в «Дубровском», в «Повестях Белкина», в «Капитанской дочке» и других произведениях поэта.

В третьей комнате флигелька воссоздана обстановка конторки управляющего именем. У одного из окон стоит деревянная лавка с несколькими снопами знаменитого псковского льна, старинное конторское бюро с откидывающейся (для письма) крышкой, на нем часы. Вдоль стен — три больших сундука для хранения оброчных взносов, на одном из них выставлены образцы домотканых, крестьянской работы, старинных льняных тканей. На полу кованый железный светец для свечи, на конторке подсвечники со свечами. Несколько стульев, сделанных по образцу тех, которые были в Михайловском при Пушкине; огромные подвесные весы, безмен, ковш — мера для зерна.

У входа висит пожелтевший листок, на котором написано: «Расписание, в какие дни из Санкт-Петербургского Императорского Почтамта приходит и в какие уходит белорусская почта с почтовых станций в Острове, Опочке, Новоржеве и Синске.

Приходит: по понедельникам и пятницам.

Уходит: во вторник и пятницу».

Опальный поэт хорошо помнил это расписание.

В дни, когда из Михайловского отправляли почту, он почти каждый раз посылал письма своим друзьям, с нетерпением ожидая их писем, чтобы встретить в них поддержку, сочувствие, добрый совет, услышать от них о мерах, которые они должны были предпринять (по велению своего сердца и по просьбам Пушкина) для облегчения и изменения его судьбы, и часто, получив письмо, он уходил из дому в парк, чтобы остаться наедине со своими раздумьями.

МИХАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Михайловский парк — неотъемлемая, важнейшая часть мемориального облика сегодняшнего Михайловского. Созданный при основании усадьбы дедом Пушкина О. А. Ганнибалом в последней четверти XVIII века по тогдашним образцам садово-парковой архитектуры, он хорошо сохранился до настоящего времени. Парк занимает около девяти гектаров.

Он разделен на две половины: восточную и западную — центральной подъездной магистралью — Еловой

аллеей, которая начинается сразу же за декоративным кругом, расположенным у господского дома.

Здесь высятся огромные, тридцатиметровые ели-великаны, которым уже по двести лет, и под их густой сенью вспоминаются слова поэта о родовом парке:

И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

(«Евгений Онегин»)

По обе стороны Еловой аллеи, в ее начале, густые заросли орешника, и часто на высоких, гибких орешниках можно видеть белку. В 1956 году Еловая аллея была восстановлена в тех размерах, которые имела при

Пруд около Еловой аллеи

Пушкине. Вдоль нее, между отдельными вековыми деревьями, остатками прежней аллеи, посажены молодые елки. Еловая аллея пересекает дорогу из Михайловско-

го в Тригорское и тянется на четыреста пятьдесят метров. На противоположном от усадьбы конце она замыкается невысоким холмиком, на котором при Пушкине стояла фамильная часовня. Может быть, она и навеяла ему поэтический образ, созданный здесь в ссылке:

Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум.
(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

Часовня исчезла из-за ветхости после смерти Пушкина, от нее остался только фундамент, который был обнаружен в 1956 году во время раскопок. Около этого места на огромной двухсотлетней сосне, между тремя расходящимися стволами ее вершины, темнеет большое гнездо, в нем испокон веков гнездится семья черных воронов, очень редких в этих краях.

Направо от Еловой аллеи отходит узкая аллея. Мимо «парковых затей» — «горки-парнаса» и прудика с перекинутым через него мостиком — она ведет к «старому ганнибаловскому пруду», одному из живописнейших уголков михайловского парка. Вековые деревья так тесно сгрудились по его берегам, что густая тень от них делает водную гладь пруда черной, и его поэтому по давней традиции иногда называют «черным прудом».

На берегу пруда на огромных стройных соснах уже много-много десятков лет гнездятся серые цапли — помещному «зуи» (отсюда и часто встречающееся в то время название всей усадьбы — Зуево). В этом уголке парка всегда первозданная тишина, нарушаемая изредка гортанным резким вскриком цапли да шорохом падающей из лапок белки еловой шишки. Под гнездовьями «зуев» лежат крупные перья, иногда увидишь и желторотую еще нахохлившуюся цаплю, выпавшую из гнезда. Часто встречаются холмики земли, вырытые кротами, а чуть подальше — «лисьи ямы». Здесь невольно вспоминаются пушкинские строки:

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей.

По левую сторону Еловой аллеи, в глубине парка, деревянная шестигранная беседка с невысоким шпилем, восстановленная на месте такой же пушкинской бесед-

«Ганнибаловский» («черный») пруд

ки. От нее радиально в разные стороны расходятся четыре аллеи. Одна из них, березовая (восстановлена в 1954 году), ведет к небольшому пруду, заросшему ряской, от которого начинается одна из красивейших аллей парка — Липовая аллея. Она особенно хорошо сохранилась. Аллея живописна не только густой сенью и двумя зелеными уютными беседками, венчающими ее концы, но и причудливостью форм деревьев, не похожих одно на другое.

Среди почитателей Пушкина за этой аллеей закрепилось и другое название — «аллея Керн», связанное с посещением Анной Петровной Керн села Михайловского в июне 1825 года.

Племянница хозяйки Тригорского П. А. Осиповой, приезжавшая к ней погостить в деревню летом 1825 года, когда у них в доме часто бывал ссыльный Пушкин, А. П. Керн сама так рассказывает в своих воспоминаниях о прогулке в Михайловское:

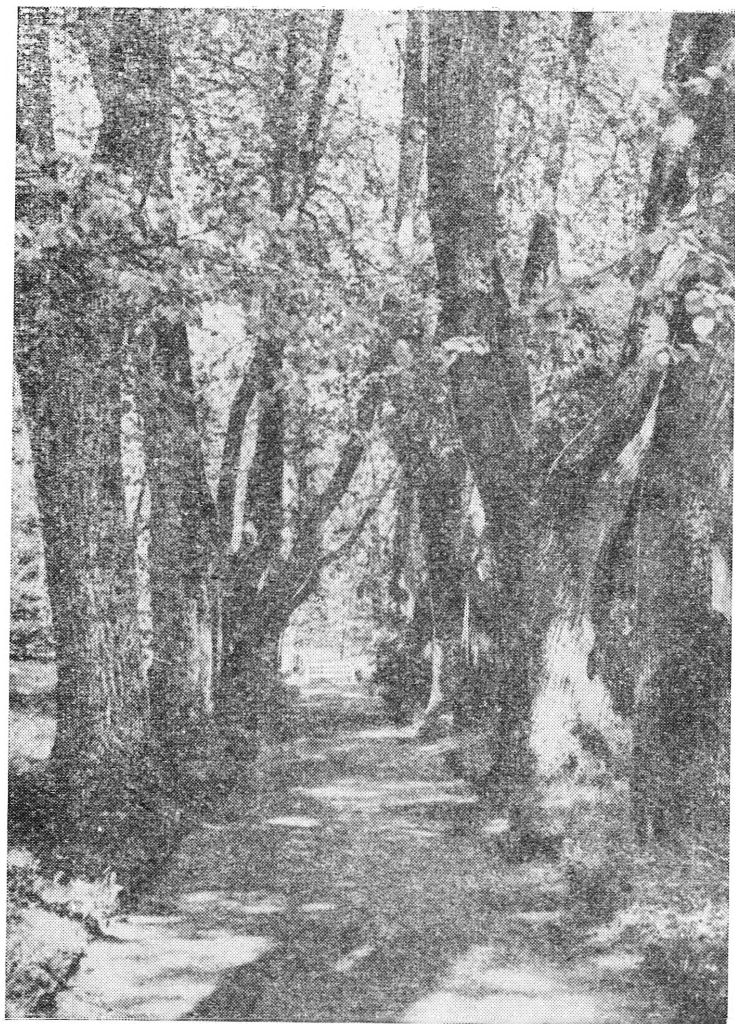
«Тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одной; сестра, Пушкин и я в другой. Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупой, а говорил: «Люблю луну, когда она освещает красивое лицо». Хвалил природу...

Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад,

Приют задумчивых дриад

с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Милый Пушкин, покажите же, как любезный хозяин, ваш сад госпоже». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно...

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришел

Липовая аллея («аллея Керн»)

утром и на прощание принес мне экземпляр второй главы «Онегина»¹ в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять...»

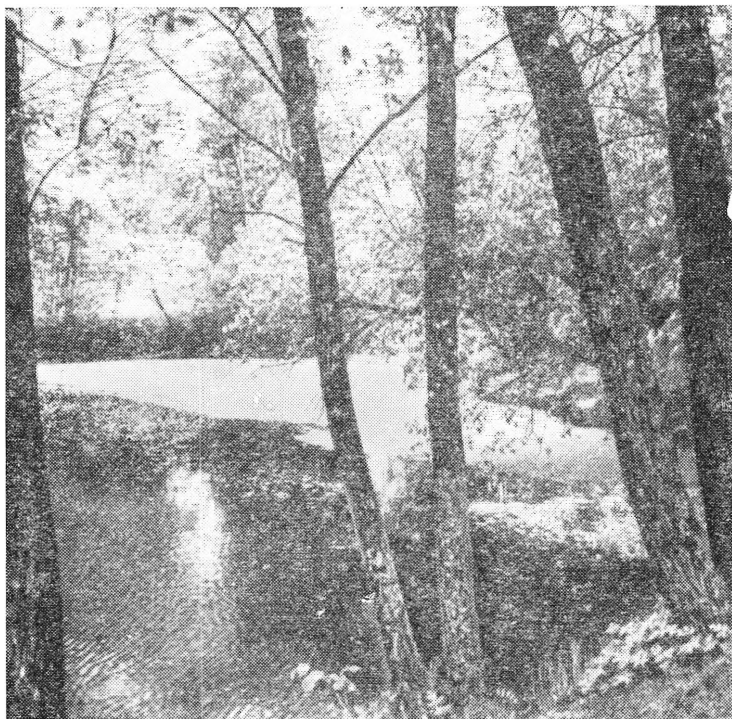
Эта встреча с А. П. Керн оставила в сердце Пушкина глубокое, яркое чувство. 21 июня 1825 года он писал в Ригу А. Н. Вульф (подлинник на французском языке): «Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов — все это, если хотите, очень похоже на любовь...» А через четыре дня Пушкин пишет самой А. П. Керн: «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу делать в моей печальной деревенской глуши, — это стараться не думать больше о вас».

Но поэт не мог не думать о ней, и последующие письма его к А. П. Керн были наполнены этим же сильным мучительным чувством. В последующие годы они оставались друзьями до самой смерти Пушкина.

От восточного края «аллеи Керн», между опушкой парка, переходящего здесь в лесопарк, и фруктовым садом (восстановленным в этой части усадьбы в 1963—1964 годах), аллея ведет к «острову уединения». Это небольшой островок, осененный соснами, березами и липами. Вокруг него — густая стена серебристых ив, сквозь которую просматривается гладь неширокого прудика, питающегося лесным ручейком. «Шум привычный и однообразный любимого ручья» слышится и сейчас — вода из этого прудика через плотину стекает

¹ А. П. Керн называет главу неточно — это могла быть тогда только первая глава.

в следующий пруд и из него, опять же через плотину, — в речку Сороть. Эта система старых ганнибаловских прудов полностью восстановлена в послевоенное время.

«Остров уединения»

По преданию, Пушкин любил бывать в этом укромном уголке парка, оставаясь на живописном и уютном «острове уединения» наедине со своими мыслями.

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

(«Евгений Онегин»)

От северного фасада господского дома в сторону реки Сороти начинается так называемый «интимный парк». Он идет вниз по крутому холму, на котором стоит Дом-музей А. С. Пушкина. Почти от самого заднего крыльца дома широкая деревянная лестница, обрамленная с обеих сторон кустами жасмина и сирени, ведет вниз к Сороти. Приблизительно на середине спуска лестница завершается небольшой площадкой-беседкой, от которой направо и налево ходы среди густой зелени приводят в небольшие, уютные «зеленые гроты». От них деревянные лестницы, скрытые в густой зелени, уходят дальше вниз, к самому подножию холма. Слева от левой лестницы на небольшом пространстве высится густая куща зелени из зарослей акации, черемухи, березы. Сюда каждую весну прилетает в родное гнездо, в десятке метров от господского дома, соловей и наполняет своими руладами всю усадьбу.

Еще левее этой «соловьинной рощицы», у самого западного края усадьбы, от домика няни спускается вниз узкая аллея, совершенно скрытая высокими кустами акации, — настоящий зеленый лабиринт. Аллея внизу завершается площадкой, на которой стоит белая садовая скамья.

ДОРОГА ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО В ТРИГОРСКОЕ

Внизу, где кончается «интимный парк», берет начало чуть наезженная дорога, она ведет из Михайловского в Тригорское. По этой дороге на рассвете 4 сентября 1826 года, как рассказывает М. И. Осипова, в Тригорское прибежала Арина Родионовна, «...вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из расспросов ее оказалось, что вчера вечером... в Михайловское прискакал какой-то не то офицер, не то солдат... Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было. «Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?» — спрашивали мы няню. — «Нет, родные, никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила...» — «Что

такое?» — «Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого, — такой скверный».

Этому внезапному отъезду Пушкина из ссылки предшествовали значительные события, прямо коснувшиеся и судьбы поэта-изгнанника.

Нижняя дорога в Тригорское

К началу декабря 1825 года Пушкин уже знал о смерти царя Александра I, и эта весть вселила в него надежду на возможные перемены его нынешнего положения. В письме к П. А. Катенину от 4 декабря он выражал надежду, что «...может быть, нынешняя перемена сблизит меня с моими друзьями». Но за плечами Пушкина было столько неудавшихся попыток покончить с ссылкой, что он на этот раз осторожно вопрошает: «Но вспомнят ли обо мне? Бог весть».

О своих надеждах и в то же время серьезных сомнениях он пишет через четыре дня и А. П. Керн (на

французском языке): «Вы едете в Петербург, и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, не смею на это надеяться. Не стоит верить надежде, она — лишь хорошенькая женщина, которая обращается с нами, как со старым мужем».

А вскоре произошло восстание декабристов, которое отодвигало надежды Пушкина на неопределенное время. Поэт узнал об этом в Тригорском вскоре после самого события от дворового человека, только что приехавшего из столицы.

«...Пушкин, услышав рассказ Арсения, страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного общества, но что именно, не помню», — вспоминает М. И. Осипова. Поэт понимал, что после случившегося имя его не останется в полной тени.

И действительно, многие и многие декабристы во время следствия, отвечая на вопрос, «с какого времени и откуда заимствовали они свободный образ мыслей, то есть от общества ли, или от внушения других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно», и кто вообще «способствовал укоренению в них сих мыслей» — называли имя Пушкина. Например, М. П. Бестужев-Рюмин показал на следствии, что «рукописных экземпляров вольнодумных сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».

Декабрист И. Д. Якушкин свидетельствовал о популярности и широком распространении ненапечатанных вольнолюбивых стихов поэта, которые «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который бы не знал их наизусть».

«...Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет!» и др. ... — рассказывает И. И. Пущин. — Не было живого человека, который не знал бы его стихов».

В такой обстановке друзья Пушкина на просьбы похлопотать о его судьбе советовали ему «остаться покойно в деревне, не напоминать о себе», ибо, как писал ему Жуковский, «в бумагах каждого из действовав-

ших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством», и поэтому надо дать «прости несчастному этому времени».

Вскоре Пушкин обратился к Николаю I с прошением, в котором обещал не противоречить мнениями «общепринятому порядку», просил императора для «постоянного лечения» аневризма «разрешения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». К письму было приложено медицинское свидетельство Псковской врачебной управы о болезни Пушкина и его подписка «впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать».

Однако сам Пушкин серьезно сомневался в благоприятном решении властями его просьбы. «Я уже писал царю, тотчас по окончании следствия, — писал поэт Вяземскому 10 июня 1826 года. — Жду ответа, но плохо надеюсь. ...Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем... Если б я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру».

И действительно, материалы следствия над декабристами создавали у следственной комиссии представление о Пушкине как об опасном для общества вольнодумце, «рассевавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме». Какими глазами смотрели на Пушкина в тот момент царские приспешники, показывает донесение тайного агента III отделения (жандармского) Н. Локателли (в июне 1826 года), в котором он писал, что в обществе «все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков».

Именно поэтому правительство и не спешило решать участь Пушкина, ожидая дополнительных сведений о его поведении в михайловской ссылке. Эти сведения должен был дать посланный специально для этого в Псковскую губернию под видом ботаника тайный агент А. К. Бошняк. Любопытно, что маршрут его поездки по сбору сведений о поведении Пушкина пролегал чаще всего по тем местам, где летом 1826 года бушевали крестьянские волнения. Бошняку хотелось в первую оче-

редь установить, «не понуждает ли Пушкин крестьян к неповиновению начальству». Тщательный сбор сведений Бошняком устанавливал, что Пушкин «ни во что не вмешивается и живет, как красная девка», что «ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего», «скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и агент делал вывод, что «Пушкин не действует решительно к возмущению крестьян» и «не может быть почтен, — по крайней мере, поныне, — распространителем вредных в народе слухов, а еще менее — возмутителем».

Видимо, годы ссылки научили Пушкина быть более сдержанным внешне, хотя внутренне он не менял своих вольнолюбивых убеждений. И в то время когда царские агенты собирали подробнейшие сведения о его политических взглядах, он не скрывал в письмах к друзьям своих горячих симпатий к декабристам.

Он пишет, что «неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи», его мучит (из письма к Плетневу), что его беспокоит судьба арестованного А. Раевского, ибо он «болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня» (из письма к Дельвигу), что «сегодня участь их должна решиться — душа не на месте» (из письма к нему же). В письме к Жуковскому, где поэт просит похлопотать о нем, он решительно добавляет: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя».

Когда же Пушкин узнал о расправе над декабристами, он с болью пишет Вяземскому 14 августа 1826 года: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Между тем прошению Пушкина был дан ход: гражданский псковский губернатор Адеркас отправил его прибалтийскому генерал-губернатору Пауллуччи, а тот в свою очередь 30 июля 1826 года — графу Нессельроде.

Не имея прямых улик, но ничуть не веря в лояльность Пушкина по отношению к себе, царь решил разыграть спектакль: вызвать в Москву, где окончательно решить его судьбу. И вот в Псков Адеркасу летит секретный приказ начальника Главного штаба Дибича о том, чтобы «находящемуся во вверенной вам Губернии чиновнику 10 класса Александру Пушкину позво-

лить отправиться сюда при посылаемом вместе с ним нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного Штаба Его величества».

Фельдъегерь примчался в Псков вечером 3 сентября и тотчас отправился в Михайловское. А 4 сентября П. А. Осипова уже записала в своем календаре: «В ночь с 3-го на 4-е число прискакал офицер из Пскова к Пушкину, — и вместе уехали на заре».

Усталого, полубольного, покрытого дорожной грязью Пушкина доставили 8 сентября во дворец к Николаю I, и между ними состоялся разговор. Барон М. А. Корф, слышавший потом рассказ об этом свидании от самого царя, так передает его: «Я впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву, совсем больного... «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?» — спросил я его, между прочим. «Стал бы в ряды мятежников», — отвечал он. На вопрос мой, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пущу его на волю... очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием сделаться другим». Царь «милостиво» объявил, что отныне он будет личным цензором поэта: этим он хотел добиться того, о чем с циничной откровенностью писал шеф жандармов Бенкендорф в донесении: «Если удастся направить его перо и его речи, в этом будет прямая выгода».

Но ни личное вмешательство царя в творческий процесс поэта, ни всевидящее и преследующее око жандармов в лице Бенкендорфа не изменили вольнолюбивых убеждений поэта — он «гимны прежние» пел, он не стал придворным стихотворцем, и после разгрома декабристов опять «звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдаленное будущее» (А. И. Герцен).

Пушкин понимал, что его молниеносный отъезд наделает переполоху в Михайловском и Тригорском, и по-

этому он 4 сентября 1826 года из Пскова пишет успокоительное письмо П. А. Осиповой (на французском языке): «Я полагаю, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас, грешных, ничего не делается...

Еду я прямо в Москву... и лишь только буду свободен, поспешу возвратиться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце».

И действительно, уже через два месяца свободный поэт снова возвращается в Михайловское, надо было привести в порядок наспех брошенные рукописи, библиотеку.

«Вот я в деревне... — писал он Вяземскому из Михайловского 9 ноября 1826 года. — Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму.

Ты знаешь, я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни... и моей няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр.»

Пушкин радовался новой встрече с теми, кто его любил, кто в тяжелую годину изгнания старался помочь ему, сколько можно было.

На обратном пути из деревни Пушкин 13 декабря в Пскове пишет посвященные сосланному в Сибирь Пушкину стихи «Мой первый друг, мой друг бесценный!»

Вез он с собой и написанную в этот приезд в Михайловское «Записку о народном воспитании», по прочтении которой царь «заметить изволил», что проповедуемое Пушкиным в «Записке» мнение, «будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти...» Этим было положено начало целому ряду последующих замечаний «личного цензора» — царя, которые так мучили Пушкина до конца его жизни.

Вернувшись в Москву, Пушкин весной 1827 года поехал в Петербург, откуда намеревался ехать «или в чужие края, то есть в Европу, или восвоися, то есть во Псков»... В Европу Пушкин не поехал, а «убежал в деревню, почуя рифмы», откуда и уведомлял Дельвига: «Я в деревне и надеюсь много писать, вдохновенья еще

нет, покаместъ я принялся за прозу». Поэт большую часть своего более чем двухмесячного пребывания в деревне посвятил работе над «Арапом Петра Великого» — своим первым опытом в прозе. В это же время он написал в Михайловском стихотворение «Поэт», начал VII главу «Евгения Онегина» и еще несколько стихотворений.

В августе 1830 года по дороге из Петербурга в Москву Пушкин вновь заезжает в Михайловское на короткое время.

После ссылки жизнь поэта не стала безоблачной. Его постоянно преследовал выговорами и замечаниями Бенкендорф, много горьких минут приносила бесцеремонность цензора-царя, без одобрения которого он не имел права печатать свои произведения, «снова тучи» собрались над его головой по возникновению «дела» о стихах «А. Шенье». Поэт не без оснований даже думал одно время о готовящихся новых карах на него.

Там, в тяжелой атмосфере светского Петербурга, ему не было «отрады». Он все чаще и чаще мысленно ищет ее в родной деревне — в близости к простому народу, полюбившейся навсегда сельской природе. И когда в опостылевшей столице поэта томил «тоскою однозвучной жизни шум», он мысленно обращал свои взоры на иные, милые ему «картины»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи...
Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой.

(«Евгений Онегин»)

Почти в это же время, когда поэт писал эти строки, он предпринимает даже практические шаги обрести этот покой в деревне, где он собирался с головой уйти в творчество. Он просит П. А. Осипову узнать условия и возможность покупки соседнего сельца Савкино.

Мечтой о деревенском покое, об иной жизни, приносящей душевное удовлетворение, пронизаны и строки стихотворного обращения Пушкина к своей жене:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

(«Пора, мой друг, пора!»)

Стихотворение это явилось отголоском мечты Пушкина выйти в отставку летом 1834 года. Пушкин мечтает покинуть Петербург, по крайней мере на длительное время, и в 1835 году. 2 мая 1835 года он пишет Н. И. Павлицеву: «Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия».

В мае 1835 года он приехал в Михайловское «скучный, утомленный: «Господи, — говорит, — как у вас тут хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня», — вспоминала М. И. Осипова.

В письме своему отцу 20 октября 1836 года он сетует на то, что не смог «побывать в Михайловском... Это расстроит мои дела по крайней мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью».

Еще годом раньше, в 1835 году, поэт тоже связывал свое семейное и материальное благополучие с переездом в Михайловское. И летом 1835 года он снова пытается добиться длительного отпуска в деревню — на три-четыре года. Но и на этот раз «плюнуть на Петербург да удрать в деревню» не удалось: царь выразил неудовольствие просьбой Пушкина, равнозначной, по определению царя, отставке, которой поэт не хотел только из-за того, что она закрывала ему доступ для работы в архивах.

Пушкину пришлось не настаивать на своей просьбе,

Дорога в Тригорское

а согласиться с тем, что предложил ему царь, — ехать в деревню в отпуск на четыре месяца.

7 сентября поэт выехал из Петербурга в Михайловское. И хотя он ехал навстречу деревенской осени, всегда очень плодотворной в его творчестве, на этот раз работа шла туго. «Пишу, через пень колоду валю, — пишет он в письме к П. А. Плетневу. — Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен».

Пушкин был беспокоен, и он откровенно пишет об этом 21 сентября и жене своей: «Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже в половину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты... У нас ни гроша верного дохода...»

у места «трех сосен»

В этом же письме он кратко говорит о здешнем своем житье-бытье: «Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7».

Он часто навещает в Тригорское, ездит в гости во Врев (Голубово), в имение мужа Евпраксии Николаевны Вревской (Вульф), о которой он шуточно пишет жене: «Был у Вревских третьего дня... Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш Псковский архиерей».

Поэт, несмотря на отсутствие вдохновения, работает здесь над «Сценами из рыцарских времен», «Египетскими ночами», ведет оживленную переписку с друзьями, много читает.

В этот приезд он создает проникнутое трогательной любовью к родному уголку стихотворение «Вновь я посетил». Сюжетно оно построено так: Пушкин идет по

Хорошо знакомой дороге из Михайловского в Тригорское и видит то, что ему давно уже было дорого, знакомо, близко.

Дорога в Тригорское идет от усадьбы берегом Сороти, потом по берегу озера Маленца (другая дорога идет от Михайловского в Тригорское через парк, а потом лесом — к озеру Маленец и дальше).

Озеро Маленец и «холм лесистый»

На противоположном берегу озера высится покрытый могучими соснами холм — «холм лесистый».

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

(«Вновь я посетил»)

Берега этого красивейшего, окруженного с трех сторон сосновым бором озера часто видали Пушкина в пору ссылки:

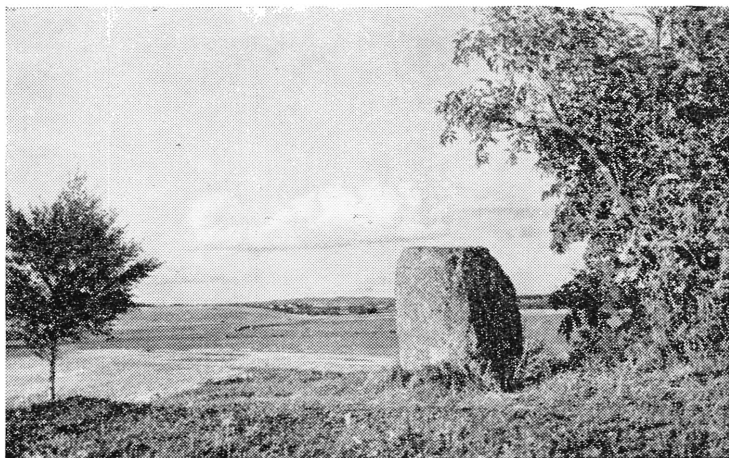
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

(«Евгений Онегин»)

Дорога огибает озеро и у подъема раздваивается: направо ведет в Савкино, налево — в Тригорское.

САВКИНО

Сельцо Савкино Пушкин задумал купить в 1831 году, о чем просил П. А. Осипову: «Я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году». Но планы эти не осуществились.

Савкин камень

Рядом с деревенькой Савкино высится правильной круглой формы холм почти с отвесными скатами и ровной просторной площадкой на вершине. Это Савкина Горка, древнее городище, остатки небольшой древнерусской крепости, один из замечательных исторических памятников Пушкинского Заповедника.

Еще в начале XX века на Савкиной Горке стояла полуразвалившаяся, очень старая деревянная часовня, и до сих пор сохранилась древняя надмогильная гранитная плита, представляющая собой ложе для креста, — Савкин камень. Ей более 400 лет, о чем говорит полуистершаяся надпись на древнеславянском языке: «Лета 7021 постави крест Сава поп». Отсюда и название Горки. 7021 год по нашему летоисчислению — это 1513 год. Видимо, крест был поставлен на братской могиле рус-

ских воинов, погибших в боях с иноземными захватчиками.

Савкина Горка была одним из любимых мест Пушкина. Отсюда открывается великолепный вид на Михайловское, вдали виднеется Воскресенское — бывшее имение Исаака Ганнибала. Широко раскинулись зеленые сочные луга, среди которых голубой лентой течет Сороть, а за лугами «синяя, стелется широко» озеро Кучане, на берегу которого стоит ганнибаловский Петровский парк. Отсюда, с Савкиной Горки, можно часами любоваться на красочную природу, воспетую великим поэтом.

Другая дорога от Маленца ведет в гору, к границе пушкинских владений, а там,

На границе

Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,

Изрытая дождями, три сосны

Стоят — одна поодаль, две другие

Друг к дружке близко...

(«Вновь я посетил»)

Эти три сосны стояли на полпути из Михайловского в Тригорское и рельефно выделялись на безлесном фоне полей. Поэт упоминает о них и в письме своей жене 25 сентября 1835 года: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья».

Сейчас на месте погибших несколько десятилетий назад пушкинских старых сосен посажены молодые: две рядом, а чуть поодаль, через дорогу, — «угрюмый холостяк», третья сосна. Около них шумит густая поросль молодого сосняка — это потомки того «племени», о котором поэт пишет в конце стихотворения. Оно наполнено такой искренней, глубокой любовью к родному уголку, где «кажется, вчор еще бродил» поэт «в этих рощах», что не случайно было названо его друзьями в посмертном собрании сочинений «Опять на родине». И действительно, с Михайловским в творческой биографии Пушкина было связано так много значительного, что эти места можно с полным правом назвать второй родиной великого русского поэта.

ТРИГОРСКОЕ

Знакомство с ним помогает ярче представить и глубже понять многие эпизоды жизни и творчества поэта в псковской деревне, ибо с Тригорским он был тесно связан многими узами. Вот почему эта некогда заурадная дворянская усадьба была включена в состав Пушкинского Заповедника и сейчас бережно сохраняется наряду с другими памятными пушкинскими местами.

УСАДЬБА И ГОСПОДСКИЙ ДОМ

Уже с половины пути из Михайловского, с места «трех сосен», на противоположном краю ровного обширного поля хорошо видны три высоких холма (отсюда и название — Тригорское), правый из которых покрыт густыми высокими деревьями. От них по крутому склону холма вниз, к самому берегу протекающей здесь Сороти, идет сплошная зеленая стена кустарника. А чуть левее кущи деревьев, почти на опушке, в широких просветах зелени хорошо виден деревянный дом с обращенным в сторону Михайловского крыльцом с портиком и белыми деревянными колоннами.

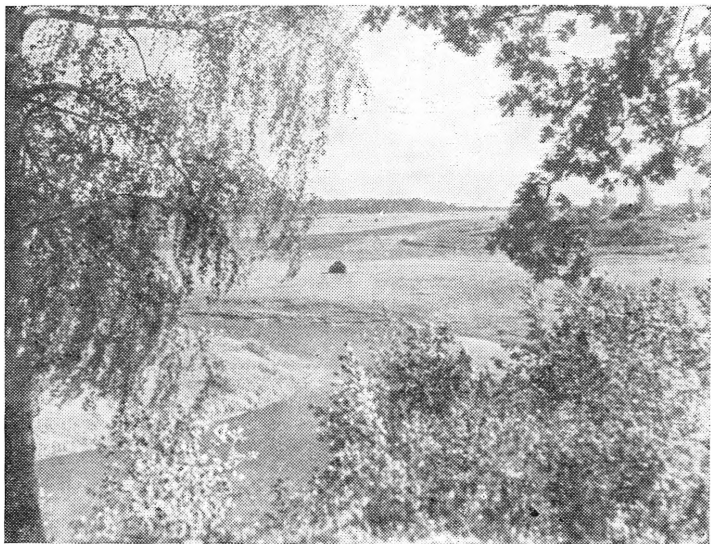
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,—
Там, у раздолья, горделиво
Гора треххолмная стоит;
На той горе, среди лощины,

Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные куртины,
Село и пажити кругом

(Н. М. Языков. «Тригорское»)

Усадьба Тригорского и все имение были значительно больше и благоустроеннее Михайловского.

Тригорское (тогда оно называлось Егорьевской Губой) было пожаловано в 1762 году шлиссельбургскому коменданту М. Д. Вындомскому и состояло из 6 153 десятин земли и 3 040 крепостных крестьян. После смерти М. Д. Вындомского Тригорское наследовал его сын Александр Максимович. Затем после его смерти в 1813 году владелицей Тригорского становится его дочь Прасковья Александровна.

Вид с Тригорского холма на долину и реку Сорочь

Ко времени михайловской ссылки Пушкина семья Прасковьи Александровны состояла из семи человек: детей от первого брака Алексея, Анны и Евпраксии Вульф, от второго брака — Марии и Екатерины Осипо-

вых (в то время они были маленькими девочками) и падчерицы Александры Осиповой (Алины).

Семья эта постоянно жила в Тригорском в большом деревянном доме, внешне неудобном, напоминающем вид какого-то сарая или манежа. И действительно, здесь когда-то помещалась полотняная фабрика А. М. Вындомского. Господский же дом стоял неподалеку от фабрики, в парке, с видом на речку Сороть. В 1820 году дом этого хозяева решили отремонтировать и переселились на время в здание мануфактуры. Но случился пожар, господский дом сгорел, и Осиповы так и остались жить в этом длинном деревянном строении, приделав к нему два крыльца с портиком и колоннами.

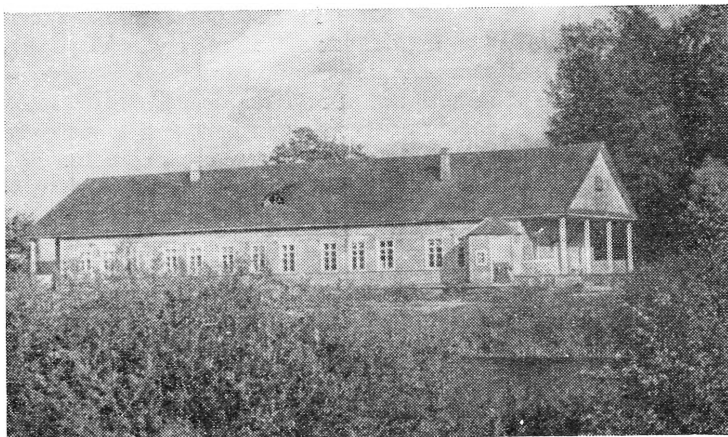
После смерти П. А. Осиповой (1859 год) Тригорское переходит к ее сыну А. Н. Вульфу, который завещал его одной из дочерей Евпраксии — Софье Борисовне Вревской (с 1881 года).

В 1918 году дом в Тригорском сгорел, но уже в первых документах Советской власти по охране пушкинского уголка говорилось, что «восстановление Тригорского дома — дело ближайшего времени». Это было предусмотрено и в генеральном плане восстановления и развития Пушкинского Заповедника, составленного после Отечественной войны. В 1962 году дом был восстановлен (по проекту архитектора В. П. Смирнова) на фундаменте прежнего дома по материалам того времени: описаниям, фотографиям, рисункам, картинам и т. д., а также по плану внутреннего расположения комнат, составленного в 1924 году часто бывавшим здесь раньше известным ученым-океанографом Ю. М. Шокальским — внуком А. П. Керн.

В августе 1962 года в доме был торжественно открыт музей. Из десяти комнат дома под музей заняты шесть: буфетная, столовая, кабинет А. Н. Вульфа, комната Е. Н. Вульф, гостиная, комната П. А. Осиповой. Все эти комнаты соединены одна с другой и занимают южную половину дома. В другой половине, отделенной длинным сквозным темным коридором, находятся сейчас подсобные помещения: лекторий и выставочные залы для ежегодно устраиваемых в Заповеднике художественных выставок на пушкинские темы.

Первые две комнаты музея — буфетная и столовая — заняты под литературную экспозицию, рассказы-

вающую об истории села Тригорского, об обитателях его и дружбе с ними Пушкина, о влиянии Тригорского на его поэзию.

Дом-музей в Тригорском

Кабинет Вульфа, гостиная и комнаты Евпраксии и П. А. Осиповой воспроизводят обстановку, близкую к той, которая здесь была при Пушкине.

БУФЕТНАЯ

Здесь помещены материалы об истории полотняной фабрики в Тригорском, прошение А. М. Вындомского об открытии в 1770 году фабрики и разрешение на ее закрытие в 1813 году.

Представлены также план владений Тригорского 1784 года, родословная Вындомских, документы из вотчинного архива села Тригорского. Отдельно помещены материалы об организации Заповедника (включая Тригорское), о восстановлении дома в наши дни.

Помещены фотографии дома и его комнат (1910 год), этюд художника В. Мешкова «Дом в Тригорском» (1916 год), портреты А. В. Луначарского, много сделавшего для организации Пушкинского Запо-

ведника, академика Ю. М. Шокальского, внука А. П. Керн, и другие материалы.

Из буфетной двери ведут в большую, вытянутую в длину светлую комнату — столовую.

СТОЛОВАЯ

Экспозиция здесь рассказывает о тех, кто жил в этом доме: П. А. Осиповой, ее детях, приятелях Пушкина — Алексее, Евпраксии и Анне Вульф, о приезжавших к ним в гости Н. М. Языкове, А. И. Вульф (Нетти), о падчерице хозяйки дома А. И. Осиповой. Даются портреты этих лиц, в том числе сделанные Пушкиным (его рисунки в копиях), автопортрет Пушкина 1825 года, автографы его стихов, посвященных тригорским друзьям (в копиях): «Подражания Корану», «Простите, верные дубравы», «Цветы последние милей», «Быть может, уж недолго мне.. (П. А. Осиповой)», «Хотя стишки на именины», «Вот, Зина, вам совет...», «Послание к А. Н. Вульф», «Признание».

Широко представлены выдержки из переписки П. А. Осиповой с Пушкиным, автографы (в копиях) их писем друг к другу.

Почти во всю длину комнаты вытянулся стол, покрытый льняной скатертью, на нем сохранившиеся вещи из Тригорского: самовар, две вазы для охлаждения шампанского, большое серебряное блюдо. Рядом — резной столик орехового дерева. В стоящем возле него старинном буфете посуда пушкинской эпохи, такого же типа, какая была в Тригорском при Пушкине.

В этой комнате за гостеприимным столом своих друзей Пушкин бывал не раз, начиная со своего первого посещения Тригорского летом 1817 года.

Уезжая отсюда, он пишет наполненные симпатией к Тригорскому и его обитателям стихи, переписанные потом П. А. Осиповой в свой альбом:

...Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?

От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям...

(«Простите, верные дубравы!»)

«Сладкое мечтанье» поэта осуществилось в 1819 году, когда он, проводя лето в Михайловском, вновь бывает частым гостем Тригорского. Уже тогда поэт внимательно присматривается к окружающему его провинциальному помещичьему быту, к жизни крепостной русской деревни, используя потом эти впечатления в первых главах «Евгения Онегина», которые писались на Юге. В черновиках рукописей имеются рисунки поэта, изображающие типы деревенских помещиков. Не их ли поэт встречал в Тригорском, здесь, в столовой, где

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить и позлословить
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

(«Евгений Онегин»)

И все же, если бы не михайловская ссылка, то Тригорское не заняло бы такого значительного места в творческой биографии поэта.

Пушкин приехал в ссылку из «Одессы шумной», оставив ее театр, изысканное светское общество, дружеские и сердечные привязанности, и сразу попал в глухую деревню с ее «барством диким», с ее трактирщиной, с крестьянской нищетой, да еще и под надзор властей. Вот почему он «был ожесточен», вот почему он

...зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.

(«Вновь я посетил». Черновая редакция)

И когда ссыльный Пушкин с таким настроением вновь появился в Тригорском, то после одесского аристократического общества уездные барышни показались ему «непривлекательными во всех отношениях» и даже «несносными дурами», для которых «...звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохой в жизни и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание».

Эти же настроения первой поры ссылки нашли отражение и в написанном в Михайловском черновом наброске IV главы «Онегина»:

Но ты — губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?

И хотя он в первые недели ссылки бывает «в Михайловском редко», а чаще в Тригорском, он все равно жалуется в письмах на тоску, скуку, ибо новая ссылка, более тяжкая, привела к тому, что у него

...уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И все в нем пусто и темно.

(«Евгений Онегин». Из ранних редакций)

Именно с таким «сердцем», «усталым пришельцем» он и появился на этот раз в Тригорском. Но шло время, и Пушкин очень скоро сумел оценить всю дружбу, теплоту, искреннее к себе участие и непринужденную, постоянную приветливость тригорских знакомцев. Внимательнее присмотревшись к ним, он увидел, что их культурный уровень значительно выше, чем у других соседей-помещиков, которых он, кстати, сразу и отвалил. Он нашел в этой семье обширную содержательную библиотеку, которую почти всю потом перечитал. Он с приятным удивлением убедился в том, что этой семье, особенно ее главе П. А. Осиповой, не чужды и глубокие литературные интересы. Прасковья Александровна была знакома и находилась в постоянной переписке со многими литераторами и известными в тогдашнем столичном обществе людьми. В неспрадном интересе П. А. Осиповой к литературе поэт мог лишний раз убе-

даться, получая в письмах друзей и такие поручения: «Прилагаю письмо для Прасковьи Александровны, полагая, что она еще не уехала. Старина русская посылается ей же» (Плетнев — Пушкину). В другом письме тот же Плетнев пишет поэту: «Скажи Прасковье Александровне, что я получил от нее 25 р., но не высылаю книг потому, что они еще не вышли. «Эда» и «Пирь» должны явиться на днях, за ними «Северные цветы», а уже после Крылов». Перечень довольно обширный для одного только поручения! А такие поручения давались в столице часто.

Любопытно мнение о семье Осиповых-Вульф и Н. М. Языкова, который, погостив у них шесть недель, нашел, что хозяйка Тригорского «женщина умная и добрая», ему пришлось по душе и «миловидность, нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее».

Тригорское стало для ссыльного поэта еще дороже и потому, что в нем звучали стихи и гостивших здесь, близких тогда Пушкину, Дельвига и Языкова; здесь он слушал в исполнении тригорских барышень музыку Россини, Моцарта, Бетховена, Глинки, Виельгорского; здесь ощутил «чудное мгновенье», встретив А. П. Керн; здесь он, непрактичный в житейских делах и неосторожный в поступках, внимал мудрым советам умной и практичной П. А. Осиповой.

И если ссыльный Пушкин, по его собственному признанию, скоро «воскрес душой», то этому способствовало не только самозабвенное упоение творчеством (что было, конечно, решающим), но и дружба с Тригорским, где опальный поэт стал почти членом этой большой, полюбившейся ему семьи и где он постепенно «оттаял» от ожесточения и бурь «самовластья».

Уже в январе 1825 года ссыльный поэт тепло отзывался о своих соседях-друзьях приехавшему к нему Пушину. «Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на короткое время, что не успею и на него самого наглядеться», — пишет И. И. Пущин в «Записках». Если бы обитатели Тригорского и в это время оставались для Пушкина «несносными» и «непривлекательными», то вряд ли он хвалил бы их Пушину, с которым был всегда откровенен, как ни с кем другим, и вряд ли, тем

более, захотел бы его взять к ним. А стоило его друзьям из Тригорского летом 1825 года уехать на некоторое время в Ригу, как поэт уже тоскует по ним и признается П. А. Осиповой, что Тригорское, «...хоть оно и опустело сейчас, все же составляет мое утешение.

С нетерпением ожидаю от Вас вестей — пишите мне, умоляю Вас. Излишне говорить Вам о моей почтительной дружбе и вечной моей признательности. Шлю Вам привет из глубины души».

А через четыре дня после этого, 23 июля 1825 года, он ей же пишет: «Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о Вас. Его милым хозяйкам следовало бы поскорее вернуться туда, но желание это слишком отзывается моим фамильным эгоизмом; если вам весело в Риге, развлекайтесь и вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника — Вы видите, я, по старой привычке, путаю и наши жилища».

Тогда же, когда Пушкину казалось, что вот-вот должны свершиться планы его бегства за границу, он писал в стихотворении «П. А. Осиповой» о неизменной теперь навеки привязанности и искренней дружбе к Тригорскому и его обитателям:

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Отношения Пушкина к «милым» ему тригорским соседям наполняются глубоким чувством дружбы, особенно к П. А. Осиповой, которую поэт особенно ценил и уважал. «Поверьте, что на свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода, — писал он ей из михайловской ссылки 8 августа 1825 года. — Вы научили меня ценить всю прелесть первой».

Дружба Пушкина с Осиповыми-Вульф была не мимолетной, не порождением только вынужденного сближения «во мраке заточенья»; поэт до самой своей смерти был в переписке с П. А. Осиповой и ее семьей, он с радостью встречался с ними, искал этих встреч.

До нас дошло любопытнейшее письмо Пушкина П. А. Осиповой от 26 декабря 1835 года. Он, затравленный светской чернью, признавая, что жизнь в «свинском Петербурге» содержит в себе «горечь» и «делается противною», как бы подводил итог многолетней, испытанной дружбы с Тригорским. «Как подумаю, — пишет он в этом письме, — что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения (восстания декабристов. — ред.), мне кажется, что все я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч. и проч. Право, только дружбу мою к вам и вашему семейству я нахожу в душе моей все тою же, всегда полной и нераздельной».

Девушки же Тригорского питали к ссыльному Пушкину, их частому гостю, не только дружеские, но и более глубокие чувства: они почти все были влюблены в поэта. Особенно преданным его обожателем была ровесница Пушкина Анна Николаевна Вульф. Она была воспитана в деревне, увлекалась чтением сентиментальных романов XVIII века, но обладала живым умом. Современники свидетельствовали, что А. Н. Вульф отличалась в разговоре «быстротой и находчивостью своих ответов», что особенно бросалось в глаза в обществе чрезвычайно остроумного Пушкина. Пушкин же в своих отношениях к ней не переступал дальше приятельских. «С Аннеткою бранюсь, — надоела», — пишет он брату из ссылки. Когда же Анна Николаевна досаждала ему нескрываемой пылкостью чувств, то Пушкин позволял себе даже колкости и дерзости: «Итак, Вы уже в Риге? Одерживаете ли победы? Скоро ли выйдете замуж? Застали ли уланов?» — пишет он ей в июле 1825 года в Ригу. А давая ей советы, поэт с насмешкой замечает: «Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на висках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо».

И все же А. Н. Вульф была счастлива в те редкие минуты, когда ее «прозаический обожатель» (выражение Пушкина) бывал к ней внимателен и мил. В такие минуты Пушкин и вписал в ее альбом посвященные ей стихи «Я был свидетелем златой твоей весны», «Увы, напрасно деве гордой», «Хотя стишки на именины».

Сердечное чувство к Пушкину А. Н. Вульф сохранила до конца жизни, так и не выйдя замуж.

Предметом полушутливого увлечения Пушкина была двадцатилетняя Александра Ивановна Осипова (или Алина), падчерица хозяйки дома. Ей Пушкин посвятил стихотворение «Признание», которое кончается полушутливым, полусерьезным признанием поэта, так характерным в его отношениях к тригорским девицам:

Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Приехав в 1835 году в Михайловское, поэт, навестив тригорских друзей, вспомнил Алину, тогда уже вышедшую замуж, и написал ей из Тригорского письмо в стиле их прежних полушутливых отношений: «Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться».

Несколько раз гостила в Тригорском при Пушкине и милошидная, умная Анна Ивановна Вульф (Нетти), двоюродная сестра молодых тригорских Вульфов — предмет короткого увлечения поэта. В марте 1825 года он пишет из Михайловского брату: «Анна Николаевна тебе кланяется, ...я влюбился и миртильничаю. Знаешь ее кузину Анну Ивановну Вульф? Ессе femina!» А что касается Евпраксии Николаевны Вульф, тогда еще девушки-подростка, веселой и подвижной, то, как отмечал в своем «Дневнике» ее брат А. Н. Вульф, «по разным приметам судя, и ее молодое воображение вскружено неотразимым Мефистофелем» (Пушкиным). В нее же в свою очередь был влюблен и гостивший у них Н. М. Языков.

«Пусть же теперь читатель представит себе деревянный, длинный одноэтажный дом, — пишет Анненков, —

наполненный всей этой молодежью, весь праздный шум, говор, смех, гремевший в нем круглый день от утра до ночи, и все маленькие интриги, всю борьбу молодых страстей, кипевших в нем без устали.

...С усталой головой являлся он в Тригорское и оставался там по целым суткам и более, приводя тотчас в движение весь этот мир». В Тригорском Пушкин находил среди молодежи и серьезных собеседников, одним из которых был его приятель А. Н. Вульф.

КАБИНЕТ А. Н. ВУЛЬФА

Его комната в два окна невелика по размеру. В ней воссоздана обстановка, типичная для комнаты молодого помещного дворянина пушкинского времени.

У письменного стола кресло А. Н. Вульфа, часы его деда А. М. Вындомского, ломберный столик, стоявший некогда в его комнате. Из вещей пушкинской эпохи в комнате находятся письменный стол, шахматный столик, чубук, оружие. В небольшом стеклянном футляре «военные отличия, какими был награжден Вульф за время военной службы: медаль за Польскую кампанию и орден «*Virtuti militari*». У правой от входа стены стоит тахта, около нее на стене висит ковер. На стене портреты Байрона и Вульфа (в военном мундире).

У противоположной стены, под окнами круглый стол, на нем вместительный серебряный жбан, прикрытый сверху скрещенными шпагами, а на месте их скрещения — большая белая голова сахара. Здесь приготовлялась знаменитая жженка.

Вскоре после приезда в ссылку Пушкин пишет в Дерпт стихотворное послание Вульфу:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Пушкин и сам приглашал Языкова в гости в деревню:
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою...

(«К Языкову»)

И когда летом 1826 года Языков, наконец, приехал вместе с Вульфом на летние каникулы (они были студентами Дерптского университета), жизнь в Тригорском сделалась непрерывным рядом праздников, гуляний, дружеских бесед, дальних прогулок и поэтических обменов мыслями. И почти каждая вечерняя дружеская беседа сопровождалась ритуалом приготовления жженки.

А. Н. Вульф об этих минутах непринужденных жарких бесед потом вспоминал: «Сестра Евпраксия, бывало, заваривает всем нам после обеда жженку. Сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтоб она заваривала жженку. И вот мы из больших бокалов — сидим, беседуем и распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то Пушкина, то Языкова сопровождали нашу дружескую пирушку».

Пушкин и Языков здесь крепко подружились, и после этого, как писал Языков брату из Дерпта 2 сентября 1826 года, у него «завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась».

Дни, проведенные в Тригорском, вдохновили Языкова на создание цикла стихов об этих местах, об Осиповых-Вульф, стихотворного послания к Пушкину:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!

(Н. М. Языков. «А. С. Пушкину»)

«Братом по духу» называл тогда Пушкин и А. Н. Вульфа, разделявшего в ту пору пылкой «геттингенской душою» свободолюбивые взгляды. Например, в своем «Дневнике» он 11 ноября 1828 года сделал такую запись: «Странна такая неприязнь во мне к власти и всему, что близко к ней; самые лица (напр. Государя) я скорее люблю, чем не люблю, но коль скоро я в них вижу самодержцев, то невольное отвращение овладевает мною, и я чувствую, какое-то желание противодействия...»

Пушкин делился с ним своими творческими планами, и, по словам Вульфа, «многие из мыслей, прежде, чем я прочел в «Онегине», были часто в беседах глаз на глаз

с Пушкиным, в Михайловском, пересуждаемы между нами, а после я встречал их, как старых знакомых». Конечно, здесь Вульф преувеличивает свое влияние на поэта, но известно и то, что Пушкин охотно и много читал ему свои произведения. Видимо, его имел в виду Пушкин, когда писал в «Онегине»:

Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу.

Вульф уже после смерти Пушкина сделался типичным крепостником-помещиком, скопидомом, прижимистым хозяином. Как далеки оказались потом его записи-распоряжения по хозяйству, в которых он даже запрещал крестьянам собирать в своем лесу грибы и ягоды, от вольнолюбивых мыслей его «Дневника» молодых лет, так привлекавших Пушкина!

Непринужденной веселостью и шутливой полувлюбленностью отличалось отношение ссыльного Пушкина к тогда еще совсем юной Евпраксии Николаевне Вульф, комната которой была соседней с кабинетом Вульфа.

КОМНАТА Е. Н. ВУЛЬФ

В ее комнате, очень маленькой, но уютной, воссоздана обстановка комнаты сельской дворянской барышни. Вещи здесь пушкинской эпохи: столик, канапе, туалет и др.; на стене силуэтные портреты хозяйки комнаты и ее сестры Аннеты, «Головка девушки» Греза, лубочная иллюстрация к пушкинскому «Талисману».

В простенках у окна висят большие фотографии пожилой уже Евпраксии Николаевны и ее мужа Б. А. Вревского.

Тут же рядом небольшой стеклянный шкафчик, в котором хранятся личные вещи Е. Н. Вульф и вещи из тригорского дома: чернильница и шкатулка, подаренные ей поэтом ко дню рождения, тут же серебряный ковшик с длинной тонкой ручкой. Этим ковшиком и разливали по бокалам воспетую Пушкиным и Языковым жженку.

Рядом у окна стоят старинные господские пяльцы, за которыми поэт часто видел Евпраксию, и к ней также

могут быть отнесены слова поэта, адресованные ее сестре Алине:

Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..

(«Признание»)

Как и всякая другая барышня-дворянка, Е. Н. Вульф имела свои альбомы. Они не сохранились, но для воссоздания этой неперменной детали усадебного быта в шкафчик рядом с личными ее вещами помещены два альбома того времени. Один из них принадлежал сестре секунданта Пушкина Данзаса (в альбоме есть стихи самого Данзаса), другой из семьи современников Пушкина Тимковских.

Конечно, это альбомы тригорских девушек имел в виду поэт, когда, вернувшись из ссылки, сравнивал альбом уездной барышни с великолепными альбомами столичных дам:

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.

(«И. В. Слёнину»)

А каким был в то время альбом «красавицы уездной», Пушкин пишет в IV главе «Онегина», которая создавалась в пору почти ежедневных посещений поэтом Тригорского:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом,

Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;

Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я...

Пушкин украсил своими стихами альбомы почти всех григорских девушек, в том числе и Евпраксии Вульф. Он написал в ее альбом исполненное жизненной мудрости стихотворение «Если жизнь тебя обманет». А когда однажды она разорвала не понравившийся ей мадригал, преподнесенный Пушкиным и Языковым, то Пушкин в ее альбоме написал:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец,
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

(«К Зине»)

Уже после ссылки поэт вписал ей в альбом заключительную строфу VI главы «Евгения Онегина».

Неистощимая на выдумки, веселая и общительная, заводила многих игр и развлечений в кругу тригорской молодежи, Евпраксия сразу же оказалась на дружеской ноге с опальным поэтом, которого она заражала своим весельем, шутками. В одном из писем в ноябре 1824 года поэт сообщает, что «Евпраксия уморительно смешна», а в другом письме пишет: «На-днях, я мерился поясом с Евпраксией, и талии наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила».

Видимо, эта веселая шутка вспомнилась поэту, когда он в «Евгении Онегине» упоминал о Евпраксии:

...Между жарким и блан-манже
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

До конца жизни у Пушкина сохранились дружеские отношения с Е. Н. Вульф. В 1828 году он дарит ей вышедшие из печати IV и V главы «Онегина» с многозначительной надписью: «Евпраксии Николаевне Вульф А. Пушкин. Твоя от твоих. 22 февраля 1828 г.» Все то, что поэт почерпнул здесь, наблюдая жизнь и быт Тригорского, он возвращал воплощенным в гениальные строки романа его обитателям — таков смысл этих пушкинских слов.

Несомненно, многие черты уклада жизни Осиповых-Вульф нашли отражение в романе, особенно в характеристике семьи Лариных, которые, как и тригорские жители

...Хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод...

Это именно в Тригорском Пушкин всегда видел

...К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор.

(«Евгений Онегин»)

Об этих «патриархальных» разговорах в Тригорском доме поэт упоминает в письме из Михайловского В. Ф. Вяземской, а о традиционном хлебосольстве и «варенье» Осиповых-Вульф очень красочно рассказал Языков, прогостив здесь несколько недель. В письме к матери он так описывает свое пребывание в Тригорском: «Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки... потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как-то: варенья, вина и проч. — все это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье».

А. Н. Вульф даже прямо утверждал, что он, «дерптский студент, явился в виде геттингенского студента Ленского, любезные мои сестрицы — суть образцы его деревенских барышень». Конечно, это очень смелое

утверждение, ибо основные контуры образов Ольги и Татьяны Лариных и Ленского были обрисованы поэтом еще до михайловской ссылки, на Юге, когда и Алексей, и Евпраксия были детьми. И хотя совершенно определенно тригорская молодежь не была прямыми прототипами героев пушкинского романа, все же общение с Тригорским, дух его повседневного провинциального быта нашли отражение в «Евгении Онегине».

Особенно много интересного для своего творчества поэт мог почерпнуть, когда вся семья Осиповых-Вульф и их гости собирались в гостиной тригорского дома.

ГОСТИНАЯ

Гостиная была местом, где тригорская молодежь предавалась не только «легкокрылым забавам», но и где очень часто шел серьезный разговор о музыке, поэзии, живописи, где звучали стихи Пушкина и гостивших

Гостиная в Доме-музее в Тригорском

в Тригорском Языкова и Дельвига, где для Пушкина игрался «упойтельный Россини»; здесь была собрана довольно обширная коллекция картин. Может быть, эту

комнату с ее молодым, интересным обществом и имел в виду поэт, когда он весь тригорский дом называл «...приют, сияньем муз одетый», ибо именно здесь и были как раз широко представлены все музы.

В гостиной воссоздана обстановка, близкая к той, какая была при Пушкине. Это самая большая из всех комнат, занятых под музей. В центре ее — старинный рояль марки «Тышнер», точно такой же был у Осиповых-Вульф. Пушкин специально выписывал себе в Михайловское ноты своих любимых композиторов (особенно Россини) и приходил с ними сюда, чтобы послушать музыку. «Каждый день, часу в третьем пополудни, — вспоминала М. И. Осипова, — Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке, а то, бывало, приволочится и на крестьянской лошаденке. Бывало, все сестры мои, да и я, тогда еще подросточек, выйдем к нему навстречу... Приходил, бывало, и пешком; подберется к дому иногда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он шасть и влезет в окно... Все у нас, бывало, сидят за делом: кто читает, кто работает, кто за фортепиано... Покойная сестра Alexandrine дивно играла на фортепиано; ее поистине можно было заслушаться... Ну, пришел Пушкин — все пошло вверх дном, смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам». А вечером молодежь собиралась вокруг рояля, за которой садилась Алина, и наступали часы, когда

Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам:
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их.

(Н. М. Языков. «Тригорское»)

В «Признании», посвященном Александре Ивановне Осиповой, Пушкин и имеет в виду эти музыкальные вечера, когда он вспоминает ее и

...слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечером...

На рояле лежат ноты тех лет: Моцарт, Бетховен, Россини, Глинка, Виельгорский. На стенах гостиной висят старинные картины, среди них «Искушение св. Антония» — один из вариантов той картины, которая висела здесь и глядя на которую, по свидетельству Осиповых, Пушкин «навел чертей в сон Татьяны» в «Евгении Онегине», — там есть все персонажи этой картины. Тут же небольшая картина маслом и две гравюры XVIII века с оригиналов художника Морланда на темы школы мастеров фламандской живописи. Эти три вещи — из тригорского собрания картин и гравюр, которые Пушкин видел здесь много раз и которые, вероятно, имел в виду, когда писал в «Евгении Онегине», отстаивая право поэта изображать «низкую прозу»:

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
ТЬфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!

В одном из простенков гостиной помещены портреты генерала Е. И. Керн и Е. Е. Керн — мужа и дочери А. П. Керн, которая гостила в Тригорском в июне 1825 года. В своих воспоминаниях она пишет: «Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском, в 1825 году в июне месяце. Вот как это было: мы сидели за обедом... как вдруг вошел Пушкин с большой толстой палкой в руках... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, — и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту...

...Он прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения; он имел голос певучий, ме-

лодический и, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»:

И голос, шуму вод подобный».

Это чтение проходило в гостиной, там же А. П. Керн пела для Пушкина. «Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала, и т. д.

Мы пели этот романс Козлова на голос... баркароллы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку и писал в это время Плетневу: «Скажи слепцу Козлову, что здесь есть одна прелесть, которая поет его «Венецианскую ночь». Как жаль, что он ее не увидит! Дай бог ему ее слышать!»

В Тригорском же поэт вручил Анне Петровне стихи «Я помню чудное мгновенье», которые М. И. Глинка положил на музыку, посвятив ее дочери Анны Петровны — Екатерине Ермолаевне.

Нередко в гостиную к молодежи выходила из своей, рядом расположенной комнаты хозяйка дома Прасковья Александровна Осипова.

КОМНАТА П. А. ОСИПОВОЙ

Эта комната хозяйственной и властной помещицы, с окнами на хозяйственный двор и сад, была близка к заднему крыльцу, с которого П. А. Осипова слушала доклады управляющего имением, отдавала хозяйственные распоряжения, чинила над крепостными суд и расправу.

Видимо, из раскрытых окон этой комнаты, выходящих одной стороной в сад, поэт мог наблюдать, как крепостные девушки собирали ягоды и

...Хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

(«Евгений Онегин»)

Некоторые стороны характера и биографии П. А. Осиповой очень напоминают черты образа старушки Лариной из «Евгения Онегина». Когда она, как и Ларина, была еще молоденькой, то «не спросясь ее совета, девицу повезли к венцу». Но вскоре «привычка усладила горе», и П. А. Осипова даже при живом еще муже больше вершила дел в хозяйстве, чем он. А. П. Керн пишет: «Это была замечательная партия: муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала «Римскую историю». Так же, как и Ларина, она

...меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

Ко времени михайловской ссылки поэта Прасковье Александровне было 44 года, она потеряла двух мужей — Н. И. Вульфа (умер в 1813 году) и И. С. Осипова (умер в 1824 году) — и осталась с семьей детьми. «Она, кажется, никогда не была хороша собою, — пишет о ней в своих воспоминаниях А. П. Керн, — рост ниже среднего, гораздо, впрочем, в размерах; стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное... нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот».

Властная до самодурства в отношении крестьян, практичная и расчетливая помещица, П. А. Осипова была в то же время умной, образованной женщиной, владевшей английским и французским языками, с материнской теплотой и заботливостью относящаяся к Пушкину, в судьбе которого она, по ее словам в письме к

Жуковскому, принимала «искреннее участие (не светское) с тех пор, как себя понимать начала».

И действительно, дружеские отношения Пушкин и Прасковья Александровна сохраняли, несмотря на большую разницу лет, на многие годы — до конца жизни поэта. Даже по его письмам она представляется серьезной, добродетельной и чуткой женщиной, всегда окруженной неизменным уважением поэта.

Осипова с материнской заботливостью улаживает ссору приехавшего в ссылку поэта с отцом; осторожно выясняет возможность бегства Пушкина за границу; она заверяет поэта, что «не успокоится до тех пор, пока Ваше желание не сбудется», когда он просил ее узнать о покупке Савкина; она, по выражению поэта, «со всею заботливостью дружбы» хлопочет в Риге об операции его аневризма; встревоженная внезапным отъездом поэта из Михайловского с фельдъегерем, она тотчас же пишет «страшное письмо» Дельвигу об этом происшествии, искренне проявляя здесь себя глубоким другом, человеком почти родственных чувств; она чуть ли не с девичьим вниманием распоряжается о том, чтобы на время ее отъезда в Ригу Пушкину доставляли из Тригорского цветы, и он ей в конце лета 1825 года пишет, что «ждет осени» и что благодаря ей «у него на окне всегда свежие цветы», а чуть позже, 16 октября 1825 года, получив очередную партию цветов от П. А. Осиповой, он посвящает заботливой и нежной соседке стихи:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей,
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

(«Цветы последние милей»)

Он посвятил ей также «Подражания Корану», «П. А. Осиповой» (это стихотворение он вписал ей в альбом с датой: «С. Михайловское. 25 июня 1825»), а когда выходят из печати последние главы «Евгения Онегина», поэт присылает их П. А. Осиповой в Тригорское. И когда, покидая Михайловское, он писал ей 4 сентября 1826 года, что «его сердце отныне навсегда приковано» к Тригорскому, то это не были только

слова: поэт всегда помнил своих друзей, особенно выделяя среди них П. А. Осипову.

После михайловской ссылки Пушкин регулярно переписывается с ней, и ее письма для него были всегда радостью, как и раньше, когда он ей признавался, что «Ваши письма столь же меня приводят в восторг, сколько великодушные обо мне заботы — трогают». Не простым развлечением от деревенской скуки была переписка с поэтом и для П. А. Осиповой. Она ему писала 21 августа 1831 года: «Я забываю о времени, беседа с Вами, любезный сын моего сердца. Будь у меня лист бумаги величиной с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого все же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к Вам». В другом письме она пишет Пушкину, что перечитывает его письма «с таким же удовольствием, какое испытывает скряга, пересчитывая накопленные им горы золота».

Как величайшую ценность для себя хранила она письма Пушкина в своем бюваре. Он сохранился до наших дней и стоит сейчас в витрине в ее комнате. Это небольшая четырехугольная, невысокая шкатулка, на верхней крышке которой нарисован чернилами шпиц (его, по преданию, нарисовал Пушкин). На верхней крышке бювара, с внутренней стороны, рукой П. А. Осиповой написано: «Вот что осталось от счастливого времени моей жизни». Рядом с бюваром небольшая стопка книг. Эти книги были в тригорской библиотеке при Пушкине. У окна, выходящего в сторону хозяйственных построек (теперь не сохранившихся), стоит бюро П. А. Осиповой, за которым она писала письма, вела хозяйственные дела. Перед бюро — кресло одной из дочерей Е. Н. Вульф, точно таким же было кресло и у П. А. Осиповой.

В ее комнате стоит также стеклянный шкаф, заполненный книгами тех же изданий, какие были у них в доме, и некоторые другие вещи дворянского быта той эпохи.

Каждый раз, когда после ссылки поэт приезжал в псковскую деревню, он навещал тригорских друзей. Осенью 1835 года он так часто бывает у них, что просит, как это делал он и раньше, адресовать ему письма «в Псковскую губернию, в Остров, в село Тригорское». Здесь он снова «роется в книгах да грызет орехи» (из

письма к жене) и снова видит и чувствует дружескую привязанность к себе хозяйки дома, о которой своей жене пишет из Тригорского 25 сентября 1835 года, что «Прасковья Александровна все та же, и я очень люблю ее». Он навещает вышедшую замуж Е. Н. Вульф (в Голубове, в двадцати трех километрах от Тригорского) и, возвращаясь от нее и подъезжая со стороны Голубова к Тригорскому, снова видит милые ему дом и парк, которые, вероятно, и имеются в виду в написанном тогда черновом наброске:

Если ехать вам случится
От . . . на . . . ,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов, —
От большой дороги справа,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут, как пожар...¹

(«Если ехать вам случится»)

Уже перед самой смертью Пушкин, стремясь спасти от продажи разоренное отцом Михайловское, предлагает П. А. Осиповой купить его, оставив ему только усадьбу. Но П. А. Осипова, бывшая всегда в курсе всех дел Пушкина, знала, как дорого Михайловское поэту, понимала, что он решил на продажу именины только из-за крайности, когда уже у него «голова кругом идет». Поэтому она отговаривает его от этого шага, предлагает ему свою помощь, чтобы сохранить любимое им Михайловское. 6 января 1837 года она пишет поэту: «Мне Михайловское не нужно, и так как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы Вы его сохранили — слышите?.. Я охотно стану Вашей управляющей». Это письмо поэт получил за несколько дней до смерти.

¹ Ученый — пушкинист Т. Г. Цявловская предлагает в одном из последних комментариев вторую и третью строки читать так.

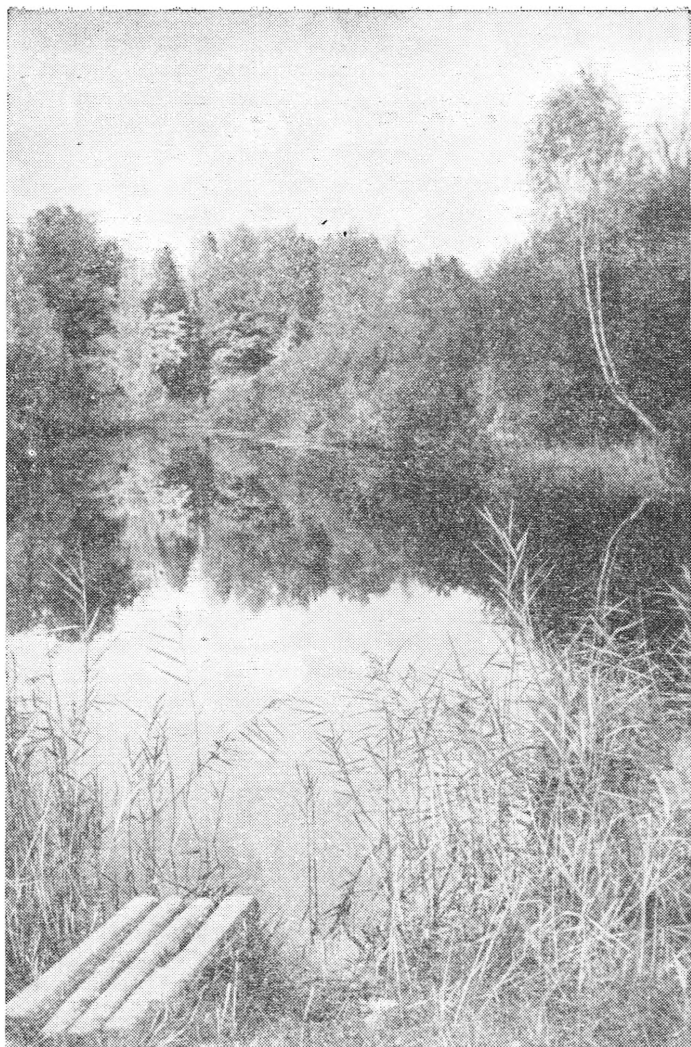
От Тригорского на Псков,
Там, где Луговка струится...

А когда поэта везли хоронить, то траурный кортеж с прахом Пушкина проследовал через Тригорское. «...Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтоб не проститься с Тригорским и с нами», — вспоминала младшая дочь Осиповой Екатерина Ивановна.

Один из уголков комнаты П. А. Осиповой сейчас занят материалами, рассказывающими об этом эпизоде. Здесь помещен портрет А. И. Тургенева, который, отправив гроб дальше в Святогорский монастырь, остался ночевать у Осиповых. А после похорон поэта он написал ей письмо, из которого еще раз было видно, каким близким человеком Пушкину была П. А. Осипова. «Тригорское, — писал ей Тургенев 10 февраля 1837 года, — останется для меня незабвенным не по одним воспоминаниям поэта, который провел там лучшие минуты своей поэтической жизни. ...Минуты, проведенные мною с Вами и в сельце и в домике поэта, оставили во мне неизгладимые впечатления. Беседы Ваши и все вокруг Вас его так живо напоминает! В деревенской жизни Пушкина было так много поэзии, а Вы так верно передаете эту жизнь. Я пересказал многое, что слышал от Вас о поэте, Михайловском, о Тригорском здешним друзьям его: все желают и просят Вас описать подробно, пером дружбы и истории, Михайловское и его окрестности, сохранить для России воспоминание об образе жизни поэта в деревне, о его прогулках в Тригорское, о его любимых двух соснах, о местоположении, — словом все то, что осталось в душе Вашей неумирающего от поэта и человека».

И когда перед изготовлением надгробного памятника понадобился вид могилы поэта и монастыря, то друзья Пушкина обратились вновь к П. А. Осиповой. «...Известны дружественные Ваши отношения к Александру Сергеевичу, которые сохранял он в течение всей жизни своей», — пишет ей Г. А. Строганов и просит сообщить хотя бы поверхностный рисунок с кратким описанием места, «где ныне покоятся бранные остатки Александра Сергеевича».

В ответ на это она сделала карандашный рисунок могилы поэта, копия которого сейчас находится в ее комнате. Тут же — маска лица Пушкина, снятая Гальбергом через два часа после его смерти (копия). Известно, что

«Верхний пруд» в Тригорском парке

здесь хранился один из первых семи подлинных гипсовых слепков этой маски поэта, подаренный в 50-х годах П. А. Осиповой профессору Дерптского университета Розбергу, и сейчас эта маска из Тригорского хранится в Тартуском (б. Дерптском) университете.

П. А. Осипова, преданная памяти Пушкина, собирала в своей комнате многое, относящееся к нему. Это было подобие первого пушкинского музея, где, кроме маски, хранились альбомы с автографами поэта, списки и издания его произведений, его письма, связанные с ним вещи быта и т. д. Сюда друзья поэта прислали ей и один из первых списков стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» (копию с него можно видеть сегодня в комнате П. А. Осиповой).

ТРИГОРСКИЙ ПАРК

У северного фасада тригорского дома расположен продолговатый пруд, за которым раскинулся обширный живописный парк. Тригорский парк — прекрасный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века. Русские мастера-паркостроители умело использовали при его создании необычный рельеф местности, холмистой, изрезанной лощинами и глубокими впадинами, и в парке много уютных, живописных уголков. То узкие, то широкие, извилистые аллеи парка приводят или на край высокого обрыва, с которого открываются неповторимые по красоте дали, или уводят в густую чащу зелени, или вдруг приводят к красивым прудам, расположенным в разных местах парка, простирающегося на площади двадцать гектаров.

От главного входа в дом узкая аллея ведет к месту (в тридцати метрах от дома), где стоял раньше старый господский дом. Отсюда вниз, в сторону виднеющейся сквозь зелень деревьев реки Сороти, парковая дорожка идет к группе огромных, двухсотлетних лип и дубов, под сенью которых, на самом краю обрыва к Сороти, стоит белая садовая скамья. Все это место парка уже несколько десятилетий с легкой руки Осиповых-Вульф, называется «скамья Онегина». С этого места, особенно любимого тригорской молодежью, «много глаз устремлялось на дорогу в Михайловское», хорошо вид-

ную отсюда, и «много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин...» — пишет Анненков.

«Скамья Онегина»

В память Языкова надолго запали не раз им отсюда наблюдаемые

И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый.

(Н. М. Языков. «П. А. Осиповой»)

От «скамьи Онегина» дорожка ведет к фундаменту баньки Осиповых-Вульф (банька сгорела в 1918 году). Сюда часто приходила ночевать мужская половина Тригорского, частенько здесь продолжались начатые в доме споры, беседы, дружеские пирушки, и тогда для Пушкина, Вульфа и Языкова не было ничего другого

...всхлительнее, краше
Свободных дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт.

(Н. М. Языков. «Тригорское»)

Рядом с фундаментом баньки, на краю спуска к Сороти, расположена зеленая беседка полукруглой формы, по одной половине окружности которой стоит деревянный диван. Стенами беседки с трех сторон служат стволы старых лип, образующих сверху зеленую «крышу». С четвертой стороны, к Сороти, беседка открыта, и тригорские обитатели могли любоваться живописными окрестностями, когда собирались

...На горе, под мирным кровом,
Старейшин сада вековых,
На дерне мягком и шелковом,
В виду окрестностей живых...

(Н. М. Языков. «Тригорское»)

От беседки широкая деревянная лестница ведет вниз, на узкий зеленый берег Сороти. Здесь была купальня Осиповых-Вульф, вместе с которыми приходил сюда и Пушкин.

В этой же части парка, чуть в стороне от зеленой беседки, растут рябины — потомки тех, которые не раз видел поэт, гуляя по парку, и которые, видимо, он вспоминал, когда, стремясь в Тригорское после ссылки, писал П. А. Осиповой, что «на зло судьбе мы в конце-концов все же соберемся под рябинами Сороти».

От зеленой беседки дорожка ведет от края обрыва вверх, к Зеленому танцевальному залу. Это обширная, хорошо утоптанная четырехугольная площадка, обсаженная с трех сторон густой стеной деревьев (липы), а с четвертой, обращенной в сторону дома, ограниченная узкой, очень тенистой липовой аллеей: здесь огромные липы стоят стеной, почти касаясь друг друга.

В Зеленом зале тригорская молодежь в обществе Пушкина устраивала игры, развлечения, танцы; здесь часто в летние вечера гремела «музыка полковая» или играл оркестр крепостных музыкантов.

Уже с центра Зеленого зала хорошо виден ажурный «Горбатый мостик», соединяющий крутой здесь спуск

Липовая аллея у «танцевального зала»
в Тригорском парке

из зала с берегом небольшого пруда, поросшего белыми лилиями.

От пруда дорожка идет круто вверх, затем поворачивает направо, и тут видна далеко протянувшаяся прямая и широкая Главная аллея. Она расположена в самом центре парка, с одной стороны была обсажена дубами (многие из них стоят и сейчас), с другой — елью и липами. По аллее не только гуляли, но и катались верхом на лошади или в коляске.

У левого края этой аллеи, почти на ее середине, стоит гигантская ель — «ель-шатер», под пышной кроной которой, не пропускающей ни света, ни дождя, любила собираться тригорская молодежь вместе с Пушкиным. Тридцатиметровому дереву более трехсот лет. Пушкин, несомненно, имел в виду эту «ель-шатер», когда в «Путешествии Онегина», вспоминая о Тригорском, писал:

Но там и я мой след оставил
И ветру в дар на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Видимо, эта необычная ель припомнилась Пушкину и тогда, когда он описывал (в черновиках V главы «Евгения Онегина») Татьяну, листающую страницы сонника, чтобы разгадать тайну своего сна:

В оглавлении кратком
Читает азбучным порядком:
Медведь, мосток, мука, метель,
Бор, буря, дом, женитьба, ель,
Шатер, шалаш...

Любопытно, что за словом «ель» сразу следует «шатер» — тригорская «ель-шатер»!

Дорожка около нее ведет от Главной аллеи налево, к солнечным часам. Это обширный зеленый круг, в центре которого стоит высокий деревянный шест с заостренным наконечником. При Пушкине здесь по окружности росли двенадцать дубов — по числу цифр на циферблате часов. Сейчас сохранилось семь дубов. Солнечные часы — типичная деталь дворянского парка того времени.

От солнечных часов тянется прямая длинная дорожка, в конце которой виден могучий дуб. Раскинув широкие, толстые стволы ветвей, он стоит на невысоком воз-

«Горбатый мостик» в Тригорском парке

вышении. Это знаменитый, воспетый Пушкиным «дуб уединенный» или «дуб-лукоморье». Ему сейчас более четырехсот лет, и, видимо, он был посажен на месте захоронения русских воинов, павших при обороне проходивших здесь границ Руси.

В начале нашего века дуб «заболел», начал постепенно погибать. В Заповеднике был организован подобающий уход за ним, и дуб был спасен, снова стал наливаться соками. В годы Отечественной войны он снова едва не погиб: фашисты под его корнями вырыли bunker. Для лечения дуба были приглашены ученые-лесоводы. И теперь снова «дуб-лукоморье» каждую весну распускает свою темно-зеленую густую крону.

Это могучее дерево вспоминал Пушкин, когда в 1829 году в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» писал:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Справа от «дуба уединенного» начинается одна из красивейших и протяженных аллей Тригорского парка — «аллея Татьяны». Она, слегка извиваясь, идет густой опушкой парка до пересечения с Главной аллеей.

Деревья растут здесь так густо, что в аллее всегда сумеречно, и поэтому почти нет птиц, стоит полная тишина. Это место очень поэтично.

Пушкин до конца своей жизни являлся туда, в Тригорское, либо сам, либо в долгожданных письмах, либо в бессмертных поэтических строчках:

О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей

«Дуб уединенный» или «дуб-лукоморье»

Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных нив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем муз одетый...

(«Путешествие Онегина». Из ранних редакций)

ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ

Рядом с холмом, на котором расположен Тригорский парк, возвышается второй холм — городище Воронич, памятник далекого героического прошлого русского народа.

Холм — это остатки средневековой крепости, находившейся в центре города Воронича. Основание его относится к XIV веку. Уже в 1349 году это был центр волости. Воронич был важным стратегическим пунктом на подступах к Пскову, и когда в 1547 году, как сообщает псковский летописец, Псков посетил Иван Грозный, то он на один день задержался и в Ворониче.

Один из приближенных Стефана Батория писал в конце XVI века о Ворониче: «Город Воронич расположен выше Заволочья при реке (Сороти) и, благодаря удобному положению этой реки, впадающей в Великую, а через нее у Пскова в озеро и далее в залив Финский, был некогда обширен и по торговле и по числу жителей».

До разгрома Воронича Баторием в нем было более четырехсот «дворов на посаде» и более двухсот «осадных клетей» в крепости, где находились склады оружия, бсеприпасов и продовольствия и где скрывалось окрестное население в моменты опасности.

Летом 1581 года Стефан Баторий осадил Воронич и, сломив отчаянное сопротивление ворончан, разгромил его, оставив там семь жилых дворов с девятью жителями. После этого и вследствие того, что граница Руси отодвинулась на запад и на юг, Воронич не возродился и в 1719 году с названием пригорода был приписан к Опочке.

Пушкин всегда интересовался героическим прошлым русского народа, но особенно живо этот интерес проявился в годы ссылки, и друзья прямо советовали ему заняться исторической темой. «Соседство и воспоминания о великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова, — писал ему в Михайловское 18 октября 1824 года С. Г. Волконский (будущий декабрист), — будут для Вас предметом пиитических занятий, а соотечественникам Вашим труд Ваш — памятником славы предков и современника».

Городище Воронич

И поэт действительно обратился к истории своего народа, создав бессмертную народную драму «Борис Годунов».

О тесной связи истории создания «Бориса Годунова» с местными впечатлениями выразительно говорит приписка Пушкина на первоначальной заглавии трагедии: «Писано бысть Алексашкою Пушкиным, в лето 7333 на городище Ворониче».

Воронич принадлежал к приходу расположенной там Егорьевской церкви, и поэт иногда заглядывал в нее, чтобы не иметь от надзирающего за ним местного начальства отрицательной аттестации.

Там Пушкин и познакомился с попом И. Е. Раевским, прозванным в народе «попом Шкодой». Дочь

Шкоды Акулина Илларионовна в своих воспоминаниях о Пушкине рассказывает: «Покойный Александр Сергеевич очень любил моего тятеньку. И к себе в Михайловское приглашал, и сами у нас бывали совсем запросто. Подъедет верхом к дому и в окошко плетью цок: «Поп у себя?» — спрашивает. А если тятеньки не случится дома, всегда прибавит: «Скажи, красавица, чтоб беспременно ко мне наведался, мне кой о чем потолковать с ним надо». И очень они любили с моим тятенькой толковать; хотя он был совсем простой человек, но ум имел сметливый и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и приговоры весьма примечательные знал. Только вот насчет божественного они с тятенькой не сходились, и много у них споров чрез это выходило. Другой раз тятенька вернется из Михайловского туча тучей, шапку швырнет: «Разругался я, — говорит, — сегодня с михайловским барином вот до чего, — ушел, даже не попрощавшись... Книгу он мне какую-то богопротивную все совал, — так и не взял, осердился!» А глядишь двух суток не прошло, — Пушкин сам катит на Воронич, в окошко плеткой стучит. «Дома поп? — спрашивает. — Скажи, — говорит, — я мириться приехал».

Когда же Пушкин узнал о смерти Байрона, он заказал Шкоде обедню «за упокой его души». «Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой души раба божия боярина Георгия. Отсылаю ее тебе», — писал он Вяземскому.

Поп Шкода был похоронен на Ворониче. На городище же находится и семейное кладбище Осиповых-Вульф. Здесь погребены оба мужа П. А. Осиповой — Н. И. Вульф и И. С. Осипов, она сама, ее сын А. Н. Вульф. Их могилы находятся рядом друг с другом и обнесены штакетником. Рядом — могила В. П. Ганнибала. Его прах перенесли сюда с соседнего погоста Воронича, разоренного фашистами в 1944 году. На старой могильной плите надпись: «Здесь покоится прах помещика села Петровского, чиновника 14 класса Вениамина Петровича Ганнибала, скончавшегося 1839 года декабря 23 дня на 65 году своей жизни».

В. П. Ганнибал был сыном двоюродного деда Пушкина П. А. Ганнибала, владельца соседнего с Михайловским Петровского.

ПЕТРОВСКОЕ

Петровское расположено не на возвышенности, как Михайловское и Тригорское, а на пологом, противоположном от Михайловского берегу озера Кучане (или Петровского).

ДОРОГА ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО В ПЕТРОВСКОЕ

В Петровское от Михайловского ведут две дороги: одна по Михайловскому лесу, другая по заросшему красивым сосновым бором берегу озера Кучане. Обе дороги соединяются на опушке михайловского леса в одну, которая идет дальше к Петровскому берегом озера и опушкой молодого березового леса.

Петровское было уже по-настоящему обжитым имением раньше Михайловского. Сюда в 1783 году после выхода в отставку с военной службы прибыл на постоянное жительство Петр Абрамович Ганнибал, которому Петровское досталось от отца А. П. Ганнибала по раздельному акту в 1781 году.

Выйдя в отставку, П. А. Ганнибал тогда же, видимо, и построил господский дом, простоявший полтора века.

УСАДЬБА И ПАРК

Сохранившийся фундамент этого дома, сгоревшего в 1918 году, и несколько его фотографий дают представление об облике этого ганнибаловского гнезда. Дом был в полтора этажа, деревянный, крыт и обшит тесом, по размерам намного превосходил господский дом в Ми-

хайловском. Второй этаж дома был обрамлен красивым портиком с колоннами, нижний этаж имел две веранды. Одна из них выходила к парадному крыльцу, выходящему в сторону подъездной Березовой аллеи, заканчивающейся у господского дома большим, посаженным по кругу цветником; другая веранда выходила в сторону парка.

Краем его от самого дома на берег озера протянулась красивейшая аллея даже в сравнении с аллеями Михайловского и Тригорского парков — Главная аллея карликовых лип. Она состоит из невысоких, причудливо переплетающихся наверху густыми ветвями лип, которые стали «карликовыми» из-за постоянного их подрезания.

На выходе аллеи к озеру в пушкинское время стояла беседка-грот: двухэтажная, деревянная, на каменном фундаменте, с аркой посередине. Одна из двух веранд беседки-грота была обращена в сторону озера, другая — в сторону парка. Сейчас от беседки сохранился только фундамент.

Приблизительно с середины Главной аллеи карликовых лип, перпендикулярно ей, через весь парк идет вторая аллея карликовых лип. Это длинный узкий коридор в сплошной зелени карликовых лип, которые здесь так густы, что даже в яркий солнечный день в аллее царит полумрак. Но стоит только выйти за стену деревьев, как сразу попадешь на залитую солнцем широкую поляну, на которой при Ганнибалах был сад и ягодники.

По другую сторону этой поляны, параллельно аллее карликовых лип, от самого почти фундамента дома к озеру идет Большая липовая аллея, состоящая из прекрасно сохранившихся гигантских лип.

В противоположном от дома конце этой аллеи стоит большой серый камень-валун, у которого, по преданию, любил сживать, предаваясь своим думам, владелец имения П. А. Ганнибал, двоюродный дед А. С. Пушкина, сын знаменитого «Арапа Петра Великого».

Пушкин всегда живо интересовался жизнью и деяниями своих предков, «коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей». Особенную гордость его вызывал А. П. Ганнибал, его прадед, сподвижник Петра I, государственная и политическая деятельность которого всегда привлекала Пушкина.

Давая отпор продажному журналисту Булгарину (Фиглярину), насмежавшемуся над его прадедом, купленным будто бы «за бутылку рома», поэт в постскрипуме «Моей родословной» писал:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Считая своего прадеда одним из выдающихся лиц из окружения Петра I, Пушкин и избрал его в качестве действующего лица в исторической (неоконченной) повести «Арап Петра Великого», начатой в Михайловском в 1827 году. До этого он не раз, бывая в Михайловском, встречался со своим двоюродным дедом П. А. Ганнибалом, навещая его в Петровском. Впервые он попал туда в 1817 году. На уцелевшем клочке уничтоженных Пушкиным «Записок» дошли до нас строки, относящиеся к этому посещению им Петра Абрамовича: «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...»

Эта черта быта Петровского, бросившаяся в глаза юному Пушкину, была типичным явлением в усадьбе.

Первый биограф поэта Анненков пишет об образе жизни старого Ганнибала: «Водка, которою старый арап потчевал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее...»

Генерал от артиллерии, по свидетельству слуги его Михаила Ивановича Калашникова...¹, занимался на покое перегонном водок и настоек, и занимался без усталости, со страстью. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность: обученный... искусству разыгрывать русские песенные и плясовые на гусях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своей музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, причем раз они сожгли всю дистилляцию, вздумав делать в ней нововведения по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной, да и вообще, — прибавлял почтенный Михаил Иванович, — когда бывали сердиты Ганнибалы, то людей у них выносили на простынях. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев».

Этот типичный крепостной быт Пушкин и видел здесь, посещая Петровское в свои первые приезды сюда в 1817 и в 1819 годах, и, конечно, его имел в виду, когда описывал деревенскую жизнь дяди Евгения Онегина:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

В пору михайловской ссылки Пушкина П. А. Ганнибал был единственным оставшимся в живых из старых Ганнибалов, поселившихся на псковской земле. В ссылке поэт особенно интересуется судьбой своих родствен-

¹ Приказчика с Михайловского в пору михайловской ссылки Пушкина.

ников. Он охотно слушает «про стародавних бар» повествования Арины Родионовны, помнившей А. П. Ганнибала, и, видимо, по их мотивам делает в Михайловском черновой набросок «Как жениться задумал царский арап».

Очерчивая общо портрет «черного арапа», он, может быть, следовал не только рассказам няни, но и держал перед глазами облик жившего рядом его сына, который более всех его сыновей унаследовал африканские черты и который был, по рассказам дочери няни Пушкина Марии Федоровны, «совсем арап, совсем черный».

В годы ссылки поэт навещает П. А. Ганнибала уже не только как родственник, но и как писатель, готовящий материалы для своих будущих произведений на исторические темы. Смотря на предков своих уже глазами писателя, он в одном письме брату полушутливо пишет: «Посоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы».

А в письме к П. А. Осиповой 11 августа 1825 года он пишет: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда».

Эти (неоконченные) записки «о собственном рождении, происходящем в чинах и приключениях», старый арап передал в Петровском Пушкину, и они сохранились в его бумагах.

Эти записки Пушкин использовал при составлении «Автобиографии» и в романе «Арап Петра Великого».

Петровское и Михайловское, в которых жили сыновья «Арапа Петра Великого», представляются для Пушкина единым целым, общим куском родной ему земли, когда он, приглашая сюда Языкова, пишет:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,

Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя.

(«К Языкову»)

Обстановка и быт ганнибаловского Петровского и его окрестностей нашли отражение в творчестве Пушкина. Многие черты характера Троекурова в «Дубровском» напоминают отдельные черты характера П. А. Ганнибала, а усадебный и крепостной быт Петровского, имения Троекурова, во многом сходен с тем, что видел поэт в Петровском. Совпадает с описанным в «Дубровском» и пейзаж, который виден со стороны Петровского парка, от берега озера Кучане.

В четырех километрах от Петровского, на возвышенности, среди лесов, у берега широкого озера Белагуль, было имение брата П. А. Ганнибала Исаака — Воскресенское. От имения, сгоревшего в 1918 году, и от парка сейчас сохранились только следы планировки.

В 1825 году, как Пушкин и «предсказывал» в письме к П. А. Осиповой, восьмидесятитрехлетний П. А. Ганнибал умер, и Петровским стал владеть его сын Вениамин (у Петра Абрамовича было еще и две дочери). В. П. Ганнибал, большой поклонник поэзии Пушкина, пережил поэта только на два года, в течение которых он успел не раз, минуя опустевшее Михайловское, съездить поклониться праху своего гениального родственника в Святогорский монастырь.

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ-МУЗЕЙ МОГИЛА ПУШКИНА

Святогорский монастырь вошел в состав памятников Пушкинского Заповедника не случайно: у его стен находится священная для каждого советского человека могила Пушкина. Древние стены монастыря не раз видели и живого поэта, то оживленно беседующего здесь с простолюдинами, то записывающего народный говор и песни. «Место это торжественное. И не только потому, что вы чувствуете здесь близость дорогого сотням миллионов ушедших, живущих и имеющих родиться людей — праха. Оно как нельзя лучше несет на себе маленький белый памятник величайшего из русских поэтов» (А. В. Луначарский).

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Святогорский монастырь стоит в пяти километрах к югу от Михайловского, на восточной окраине поселка Пушкинские Горы (при Пушкине — Святые Горы), называвшегося в давние времена «слободой Тоболенец».

Основанный в 1569 году псковским наместником князем Юрием Токмаковым по приказу Ивана Грозного, монастырь должен был укрепить подступы к соседнему городу Вороничу — опорному пункту на границах русских земель. Чтобы обосновать причину создания монастыря с религиозной точки зрения, и была сочинена легенда о явлении иконы «Пресвятая Богородицы» на Синичьей Горе, «иже ныне зовома Святая Гора». О «чудесном явлении», как сообщает псковская летопись, князь Токмаков дал знать в Москву Ивану Грозному, который и «повеле на той горе устроить церковь каменну во имя пресвятая Богородицы честного и

славного ее успения и повеле быти обители» (т. е. монастырю).

После разгрома Баторием Воронича Святогорский монастырь скрыл за своими стенами уцелевших защитников города и стал благополучно процветать, владея обширными угодьями и крепостными крестьянами. В конце XVII века он среди русских монастырей по старшинству числился двадцать седьмым.

Позже, по указу 1764 года, монастырские земли были включены в состав дворцовых, и Святогорский монастырь (к которому раньше были приписаны и другие монастыри), потеряв свое и административное значение, с 32 оставленными ему десятинами земли, стал быстро хиреть. В пушкинское время здесь было всего двенадцать «черных» монахов, которые постоянно вели тяжбу с окрестными крестьянами из-за земли.

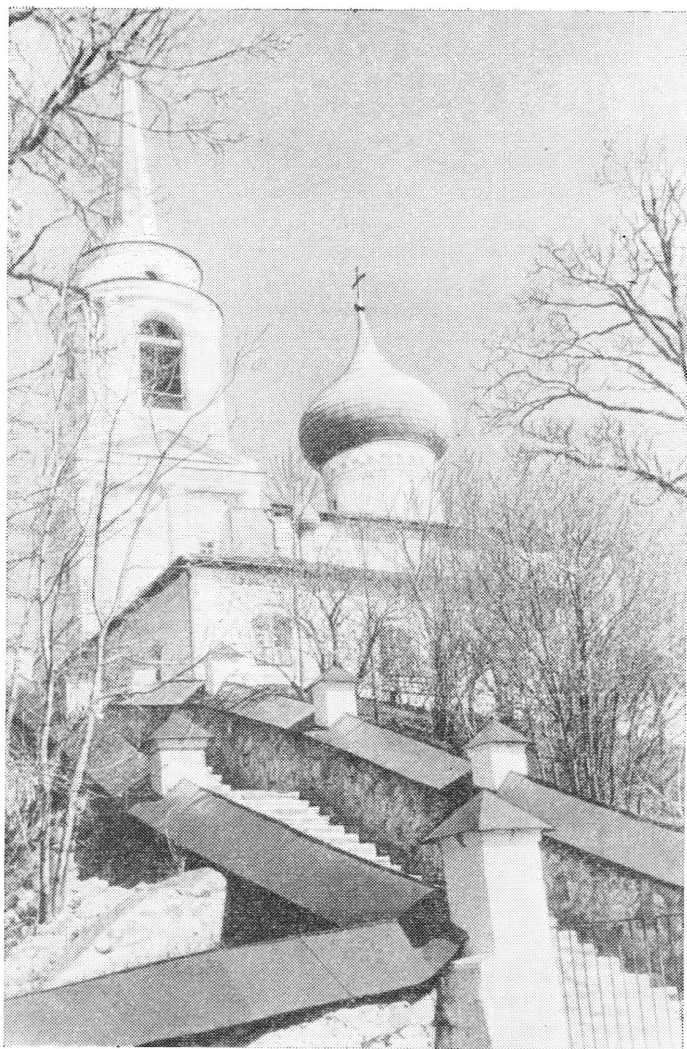
Монастырь обнесен высокой каменной стеной длиной в семьсот метров, образующей широкий монастырский двор в виде четырехугольника. Во дворе — длинное каменное здание со светелкой наверху. Это так называемый Братский корпус, в котором помещались трапезная и кельи монашеской братии. Сейчас в одной половине Братского корпуса размещается музыкальная школа, другая половина служит залом, в котором Пушкинский Заповедник ежегодно устраивает выставки художников. Во дворе разбит сквер с цветником, в центре которого стоит бюст Пушкина работы скульптора И. Гинцбурга.

Во двор ведут двое ворот: старинные Анастасьевские ворота и Святые ворота, реставрированные в 1962 году.

У Анастасьевских ворот, там, где дорога сворачивает влево, в сторону Михайловского, стоит памятник Пушкину (в бронзе), выполненный скульптором, народным художником СССР Е. Белашовой и архитектором Л. Холмянским. Памятник сооружен в 1959 году.

Центром монастыря была «церковь каменная» — Успенский собор, построенный псковскими мастерами в соответствии с традициями псковского храмового зодчества.

Собор состоит из центральной части, стены которой, полуметровой толщины, сложены из камня-плитняка, и двух приделов: северного и южного, — пристроенных к

Успенский собор Святогорского монастыря

собору в 1770—1776 годах на средства «замаливавших» свои грехи окрестных помещиков.

Свод центральной части покоится на четырех массивных каменных столбах, потолок и верх боковых стен усеяны отверстиями; в них вставлены для лучшей акустики так называемые «голосники»: глиняные, напоминающие удлинённые горшки, сосуды.

В алтарной части собора, слева, лежит каменная плита с надписью: «Здесь положено тело младенца Платона Пушкина, родившегося 1817-го года, ноября 14-го дня. Скончавшегося 1819-го года, июля 16-го дня. Покойся, милый прах, до радостного утра». Это могила брата поэта, Платона, умершего в Михайловском и погребенного в его присутствии. Во время ремонтных работ в конце XIX века могила была скрыта под толстым слоем цемента и обнаружена при реставрации собора в 1948 году.

В соборе помещены документы, фотографии, рисунки, которые рассказывают об истории сооружения памятника на могиле Пушкина, о реставрационных работах на могиле поэта в 1899—1902 годах и в 1953 году.

Справа от главного входа маленькая дверца ведет на лестницу, поднимающуюся к деревянным хорам, сделанным под потолком в виде балкона. Рядом еще одна дверь, которая ведет к монашеской келье. В ней сейчас воссоздана обстановка, типичная для монастырской кельи в пушкинское время. Строго и сурово убранство этой каморки: у стены стоит деревянный топчан с сундучком-подголовником, у щелевидного, как бойница, окна стоит деревянная парта, на ней старинные рукописные книги, перо с чернильницей, скамья, мерцающая лампадка.

Все это невольно воскрешает в памяти сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» в пушкинском «Борисе Годунове» и величественно-мудрый образ летописца Пимена.

Работая в Михайловском над «Борисом Годуновым», Пушкин, по собственному признанию, широко пользовался, кроме других материалов, старинными русскими летописями, стараясь в них «угадать образ мыслей и язык тогдашних времен».

Близость овеянной историей Святогорского монастыря еще более усилила интерес Пушкина к русским

историческим древностям, и не случайно здесь существовало предание, сообщенное игуменом Иоанном, что «Пушкин живо интересовался монастырскими книгами и древностями, для чего ему, Пушкину, отводили в монастыре келию, которую он испещрил своими надписями по стенам, так что приходилось ее белить после его ухода.

Он был хорошо знаком с иеромонахом Василием, который тогда ведал монастырскою библиотекою».

Наблюдения над жизнью монастырской братии тоже нашли место в творчестве поэта. В эпоху Пушкина Святогорский монастырь был своего рода «исправительной колонией», куда за прелюбодеяния, пьянство, богохульство, непослушание церковным властям и т. д. ссылали на «покаяние» монахов из многих монастырей. О том, какие здесь можно было встретить колоритные типы монахов, говорят хотя бы такие записи игумена Ионы в монастырском диариуше (книге записей происшествий): «1820 мая дня. Иеромонах Василий отлучился самовольно в слободку Тоболенец и напившись в питейном доме допьяна за неделю праздника девятой пятницы и продолжал даже до возвращения из Пскова крестного хода со Святыми иконами и в Ярманку девятой пятницы при многолюдном собрании, находясь в пьяном виде в неприличных монашескому званию и крайне соблазнительных и постыдных поступках, и в должности своей неисправным таскаясь в слободке безобразно в одном подряснике и ходя в ярмарочное время около лавок требовал от купцов на пьянство денег»...

Другая запись: «1824 сентября 16 дня в воскресенье приходил сиделец Иван и жаловался на монаха Агафона, что он 15 дня в субботу был в кабаке и просил вина в долг у жены сидельцевой, а как она ему в долг не давала, то он вскопча в застойку бил ее, изодрав ее рубаху и руку обкусав.

В которые дни монах Агафон самовольно отлучался в слоботку и дрался близ кабака с мужиками, а не быв в монастыре сутки двое сказывался больным и привезен был в телеге на завтра не был в заутрене в обедню пришел пьяной и настоятель приказал Кирилы вывести за что и был посажен после обедни при всей братии в цепь большую».

Все это, безусловно, было хорошо знакомо Пушкину, когда он создавал образы пьяниц-забулдыг Мисаила и Варлаама. «Отец Варлаам» так и сыплет прибаутками да поговорками, не забывая о вине: «...Отец Мисаил, да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!»; «выпьем же чарочку за шинкарочку», «иное дело пьянство, а иное чванство», «эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим». По свидетельству А. Н. Вульфа, надзиравший за ссыльным Пушкиным игумен Иона, большой любитель выпить, часто повторял: «Наш Фома пьет до дна, выпьет, поворотит, да в донушко поколотит».

В «Борисе Годунове» Варлаам говорит о Григории: «Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...»

Пушкин, имея в виду такой «площадной» стиль речи в трагедии, писал: «Стиль трагедии смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых, что касается грубых непристойностей... это писалось наскоро...» Так и представляешь себе, как Пушкин, вернувшись из Святогорского монастыря, по горячим следам, «наскоро» писал в речи Варлаама эти грубости, в обилии слышанные только что от монастырской братии.

«Угадывать язык» действующих лиц «Бориса Годунова» помогало Пушкину и живое, тесное общение его с народом на монастырских ярмарках, которые устраивались трижды в год. Особенно многолюдной бывала ярмарка «в девяную пятницу после пасхи» — «девятник», — когда «в оный монастырь несколько тысяч простого народа собирается но со своим изделием, оное продают, а от других покупают что им нужное».

Гостиные ряды располагались в монастырском дворе и за ним, торговля шла по многу дней, в течение которых здесь не умолкал шум многолюдной ярмарочной толпы, непрерывно входившей и выходившей через двое ворот монастыря — Анастасьевские и Святые,

В такие дни Пушкин в крестьянском наряде и наведывался в монастырь, «любил ходить на (монастырское) кладбище, когда там «голосили» над могилками бабы, и прислушиваться к бабьему «причитанию», сидя на какой-нибудь могилке.

На ярмарке в Святых Горах Пушкин любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие тянули «Лазаря» и где парни и девушки водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили. Пушкин простаивал с народом подолгу», — свидетельствовали современники.

Кучер Пушкина П. Парфенов рассказывал: «Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу... ну, народу много собирается, и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают!»

Вот этот народ — нищие, «плакальщицы», крестьяне, артельные люди — и давал Пушкину яркие и богатые впечатления и для «Бориса Годунова» и для многих других его творений, пронизанных народным духом.

Об этом рассказывает экспозиция северного придела монастыря.

Среди других материалов здесь помещены записи Пушкиным народных песен, гравюры на дереве В. Фаворского «Борис Годунов» (иллюстрации к пушкинскому произведению), народный лубок «Убийство царевича Дмитрия» (такие лубки продавались на монастырских ярмарках), рисунок Н. Ульянова «Пушкин среди крестьян на ярмарке» (1936 год), литографии XIX века А. Орловского и А. Скино «Пляшущие крестьяне» и «Слепцы», картина Б. Щербакова «Святогорский монастырь» (1936 год) и другие.

Отдельно рассказывается об истории создания монастыря как опорного пункта на подступах к Вороничу. Здесь интерес представляет старинный план Пскова и его пригородов, составленный Стефаном Баторием в 1581 году (с оригинала, хранящегося в архиве Ватикана), рисунок (реконструкция) Воронича в XVI веке.

В этом же приделе стоят макеты (из гипса) Успенского собора и Святых ворот, выполненные архитектором В. П. Смирновым.

В Южном приделе собора размещена постоянная выставка «Дуэль, смерть и похороны Пушкина».

Различные документы (в репродукциях), высказывания современников, литографии, рисунки, картины, в том числе художников А. Пирашкова «Умиравший Пушкин» и В. Федорова «Увоз тела Пушкина из Петербурга» и «Похороны Пушкина» (обе написаны в 1937 году), портрет Пушкина работы художника А. Линева (1836 год, копия) и другие материалы рассказывают о последних годах жизни поэта, о дуэли с Дантесом, о похоронах в Святогорском монастыре.

Почти в центре придела специальной оградой отмечено место, надпись на котором гласит: «Здесь в ночь с пятого на шестое февраля 1837 года стоял гроб с телом Пушкина». Поэту не было еще тридцати восьми лет, он погиб в пору небывалого расцвета своего поэтического гения.

МОГИЛА ПУШКИНА

«Он пал в полном расцвете сил, не окончив своих песен, не досказав того, что имел сказать. За исключением двора и его приближенных, весь Петербург плакал; только тогда стало видно, какую популярность приобрел Пушкин» (А. И. Герцен).

По многочисленным свидетельствам современников, многие десятки тысяч людей разных сословий прошли через квартиру поэта, прощаясь с ним.

Эта, невиданная доселе, демонстрация народного горя испугала царя, власти боялись, что начнутся народные манифестации.

До последнего момента держались в секрете время и место похорон поэта. Когда же, вспомнив не раз высказанное желание поэта быть похороненным рядом с Михайловским, решили прах поэта везти в Псковскую губернию, то все это было обставлено предосторожностями.

Трагическая весть о гибели поэта распространилась с молниеносной быстротой. Полицейские власти доносили правительству, что, по сведениям, «многие расположены следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии... что будто бы в самом

Пекове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова».

И вот, опережая траурный кортеж, псковскому губернатору Пещурову полетело распоряжение управляющего III (жандармским) отделением Мордвинова о том, что «...тело Пушкина везут в Псковскую губернию для предания земле в имени его отца... По сему случаю имею честь сообщить Вашему Превосходительству волю Государя императора, чтобы Вы воспретили всякое особенное проявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина. К сему не излишним считаю уведомить, что отпевание тела уже совершено». Подобные предписания получили и местные духовные власти.

Тело Пушкина было тайно отправлено из Петербурга в сопровождении жандармского офицера и старого друга поэта А. И. Тургенева. «Назначен я в качестве старого друга, — записал А. И. Тургенев в своем дневнике 2 февраля, — отдать ему последний долг... Куда еду — еще не знаю».

Только за несколько часов до отъезда Тургенев узнал, куда надо ехать. После похорон поэта он в письме своей сестре А. И. Нефедьевой писал: «2 февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела, жандармский капитан впереди оно. Дядька покойного желал также проводить останки своего дорогого барина к последнему его пристанищу... он стал на дрогах, как везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы».

Дядька поэта крепостной крестьянин Никита Козлов, проживший с ним вместе долгие годы, был потрясен горем. «Человек у него был, — рассказывал потом жандарм, сопровождавший тело Пушкина, — что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойному, очень привязан. Не отходил почти от гроба; не ест, не пьет». Без разрешения властей, «самовольно» он поехал отдать последний долг Пушкину.

Траурный санный поезд мчался с невиданной быстротой, останавливаясь только на станциях для смены

лошадей. На одной из станций процессию встретила жена современника Пушкина, профессора А. В. Никитенко. Она «увидела простую телегу, на телеге солому, под соломою гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом. «Что это такое? — спросила она у одного из находившихся здесь крестьян». — «А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку».

Вечером 5 февраля подъехали к Тригорскому. «В ту зиму морозы стояли страшные, — рассказывает Е. И. Осипова. — Такой же мороз был и 5 февраля 1837 года. Матушка недомогала и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ними длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям. Видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь... приехали сюда... Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы вместе с мужиками из Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. Но ее копать не пришлось: земля вся промерзла, — ломом пробивали лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом. Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина... Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий (настоятель монастыря — В. Б.) вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно».

Прямо со свежей могилы Тургенев отправился в Михайловское. «Мы вошли, — пишет он в дневнике, — в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали».

Слез и горя на этот раз было больше, чем несколько месяцев назад, когда Пушкин сам, в апреле 1836 года, привозил сюда хоронить их госпожу — свою мать Н. О. Пушкину. Уже тогда Пушкин внес в монастырскую казну деньги, откупив место для себя рядом с могилой матери. Еще в 1829 году он в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» писал;

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

В июне 1834 года в письме жене своей Пушкин писал полусутоливо, полусерьезно: «Умри я сегодня, что с Вами будет? Мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку».

О «просторе» и «торжественном покое» сельского кладбища, на котором он не раз здесь бывал, поэт с большим чувством говорит и в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу», написанном всего за несколько месяцев до гибели — 14 августа 1836 года:

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шумя...

На таком кладбище и был погребен Пушкин морозным февральским утром. Вначале его могила была отмечена только простым деревянным крестом. Друг поэта П. А. Плетнев так описывает первоначальный вид его могилы: «Долго нам суждено переноситься мыслью к тихому пристанищу... Площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестности. Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она уложена дерном. Посредине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя: ПУШКИН. За могилой ухаживают друзья

Могила А. С. Пушкина

Пушкина из Тригорского и дворовые с. Михайловского».

В конце 1839 года жена поэта Наталья Николаевна заказала «Санкт-Петербургского монументального цеха художнику» А. Пермагорову мраморный обелиск на могилу Пушкина. Доставлял памятник и устанавливал его на могиле поэта Михайла Калашников — дворовый Пушкиных. Осенью 1840 года памятник был установлен на могиле поэта, тогда же, вероятно, был сооружен под памятником и склеп, в котором и были помещены рядом останки Пушкина и его матери. Такой в основном могила сохранилась и до наших дней.

Памятник очень прост и строг: на трех гранитных четырехугольных плитах, суживающихся кверху, белый мраморный обелиск с нишей, в которой стоит мраморная урна, покрытая покрывалом. Над нишей скрещенные факелы, над ними лавровый венок. На гранитном цоколе высечены слова:

Александр Сергеевич

ПУШКИН

Родился в Москве 26-го мая 1799 года,

Скончался в С.-Петербурге 29-го января 1837 года.

«Самодержавие, черной тенью окутав Пушкина, думало, что оно победило, но победил Пушкин. Оно хотело сделать место погребения Пушкина самым глухим, самым незаметным, самым неизвестным. Сегодня — это священное место для всего советского народа и всего передового человечества». (Из выступления Н. Тихонова на могиле Пушкина 12 июня 1949 года.)

По широким ступеням каменной монастырской лестницы идут и идут советские люди — страстные почитатели бессмертного творчества Пушкина — к вершине холма, на котором белеется могильный памятник поэта. И отдав ему дань немеркнущей любви и глубочайшего уважения, они обращаются к нему со словами другого большого русского поэта:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет.

(Ф. И. Тютчев. «29 января 1837 года»)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Музеи Пушкинского Заповедника открыты ежедневно (кроме понедельника) с 9 до 17 часов (впуск посетителей прекращается в 16 часов 45 минут).

Экскурсии по музеям, паркам и историческим местам проводят квалифицированные экскурсоводы — научные сотрудники Пушкинского Заповедника.

При Заповеднике (в Пушкинских Горах) имеется гостиница.

В Михайловском работают почта и междугородный телефон, а в весенне-летний экскурсионный сезон — кафе, пункт по прокату культурно-бытовых предметов и туристского снаряжения, книжные киоски и киоски по продаже сувениров.

В Пушкинских Горах имеются почта, столовая и ресторан, магазины, автозаправочная станция, станция технического обслуживания автотуристов, прокатный пункт, комбинат бытового обслуживания, библиотека, широкоэкранный кинотеатр и Дом культуры.

В Пушкинские Горы из Пскова (с автовокзала) (расстояние — 120 км) ежедневно идут автобусы по шести маршрутам (три — скорые). Первый рейс из Пскова в 6 часов 30 минут, последний — в 16 часов. Кроме того, с мая по сентябрь, дважды в день, курсирует скорый автобус Псков — село Михайловское. Пушкинские Горы связаны со Псковом также и воздушным сообщением.

Продолжительность поездки из Пскова до Пушкинских Гор на скором автобусе 2 часа 15 минут, на обычном — 3 часа 15 минут, на самолете — 30 минут. Стоимость автобусного проезда 1 рубль 73 копейки, на самолете — 3 рубля.

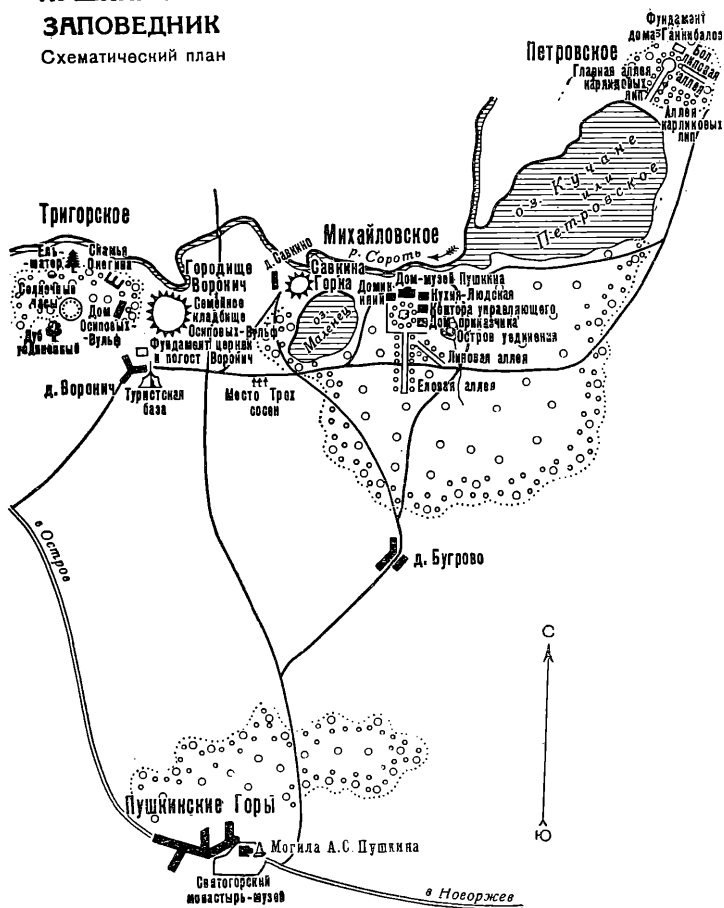
Пушкинские Горы связаны автобусным сообщением с ближайшими железнодорожными станциями Октябрьской железной дороги — Островом (60 км) и Сушевым (75 км).

Между Пушкинскими Горами, Михайловским и Тригорским курсирует местный автобус.

В д. Воронич (рядом с Тригорским) находится Пушкиногорская туристская база ВЦСПС, путевки на которую можно приобрести в местных профсоюзных организациях. Турбаза не только проводит экскурсии по Пушкинскому Заповеднику, но и организует многодневные и однодневные туристские походы по живописным окрестностям и историческим местам Псковщины. Кроме пеших, проводятся походы на шлюпках — по рекам Сороти и Великой, а также комбинированные — водно-пешие походы.

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Схематический план

На некоторых маршрутах можно сдать норму на значок «Турист СССР». Походы осуществляются под руководством высококвалифицированных инструкторов по туризму.

Для самостоятельных туристов турбаза предоставляет напрокат туристское снаряжение.

При турбазе имеется лодочная станция.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	3
МИХАЙЛОВСКОЕ	11
ТРИГОРСКОЕ	85
ПЕТРОВСКОЕ	123
СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ-МУЗЕЙ. МОГИЛА ПУШКИНА	129
ПРИЛОЖЕНИЕ	142

Издательство ВЦСПС Профиздат — ул. Кирова, 13

Бозырев Владимир Семенович

ПО ПУШКИНСКОМУ ЗАПОВЕДНИКУ. Путеводитель. М., Профиздат, 1965.
144 стр.

7А6

Редактор М. И. Корнилова. Художник М. К. Шевцов
Худ. редактор Е. В. Шворак. Техн. редактор Н. Д. Коробова
Объявлено в Бланке для заказов № 83—1964 г., пор. № 12

Подп. к печати 29/IV 1965 г. А 10004 Бумага 84×108 $\frac{1}{32}$ =4,5 п. л.
(усл. 7,56 л.) Уч.-изд. 6,91 л. Тираж 41 000 экз. Цена 35 коп. Зак. 211

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

Цена 35 коп.

ПРОФ.
ИЗДАТ
1965